

ISSN 1810-4088 Print
ISSN 2782-4276 Online

Подписной индекс 85743

**ЮРИДИЧЕСКИЙ
АНАЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ**

**JURIDICAL
ANALYTICAL
JOURNAL**

2024;19(1)

ЮРИДИЧЕСКИЙ АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
JURIDICAL ANALYTICAL JOURNAL

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ ЖУРНАЛА:

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САМАРСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ АКАДЕМИКА С.П. КОРОЛЕВА» (Са-
марский университет)

Индексирование в базах данных: eLIBRARY.RU РИНЦ

Периодическое печатное издание, журнал издается с 2001 г. Выходит 4 раза в год. Т. 19 (1) 2024

Тематика журнала:

- 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки;
- 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки;
- 5.1.3. Частно-правовые (цивилитические) науки;
- 5.1.4. Уголовно-правовые науки;
- 5.1.5. Международно-правовые науки.

Основной концептуальной задачей журнала является публикация статей авторов уровня кандидатов и докторов наук, а также практикующих юристов, ссылающихся, в том числе на работы, опубликованные в журналах, входящих в перечень ВАК, Scopus и WoS. Все статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат» и одностороннее слепое рецензирование ведущими учеными в соответствии с тематикой и специализацией.

Главный редактор

Трещева Евгения Александровна, д-р юрид. наук, проф., кафедра гражданского процессуального и предпринимательского права; Самарский университет, г. Самара, Российская Федерация

Заместитель главного редактора

Юдин Андрей Владимирович, д-р юрид. наук, проф., зав. кафедрой гражданского процессуального и предпринимательского права; Самарский университет, г. Самара, Российская Федерация

Научные редакторы

Агаларова Мария Андреевна, канд. юрид. наук, кафедра гражданского процессуального и предпринимательского права; Самарский университет, г. Самара, Российская Федерация;

Сержантова Лидия Александровна, канд. юрид. наук, кафедра уголовного процесса и криминалистики; Самарский университет, г. Самара, Российская Федерация

Адрес редакции:

443011, Российская Федерация, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1.

Тел. +7 (846) 3345406

E-mail: yuazh@ssau.ru

www: <http://journals.ssau.ru/index.php/yuazh>

Издатель и учредитель: Самарский университет

Центр периодических изданий Самарского университета

Адрес издателя и учредителя: 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

Выпускающий редактор *Т.А. Мурзинова*

Литературное редактирование, корректура

Т.А. Мурзинова

Компьютерная верстка, макет

Т.А. Мурзинова

Информация на английском языке

М.С. Стрельников

Периодическое печатное издание, журнал, регистрационный номер СМИ – ПИ № ФС 77-78550 от 10.07.2020, зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Прежнее свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № 77-7591 от 19.03.2001 выдано Министерством Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.

ISSN 1810-4088 Print, ISSN 2782-4276 Online

Подписной индекс в Объединенном интернет-каталоге «Пресса России» 85743

Бизнес-модель: финансирование журнала осуществляется учредителем, все статьи публикуются на бесплатной основе.

0+ Цена свободная

Авторские статьи не обязательно отражают мнение издателя.

Отпечатано в типографии ООО «Прайм»

443544, Российская Федерация, Самарская обл., Волжский р-н, с. Курумоч, ул. Полевая, 49.

Подписано в печать 29.07.2024. Выход в свет 31.07.2024.

Формат 60x84/8.

Бумага офсетная. Печать оперативная. Печ. л. 6,5.

Тираж 200 экз. (первый завод – 50 экз.). Заказ №

Это контент открытого доступа, распространяемый по лицензии Creative Commons Attribution License, которая разрешает неограниченное использование, распространение и воспроизведение на любом носителе при условии правильного цитирования оригинальной работы. (CC BY 4.0)

Редакционная коллегия:

Абдуллин Аделъ Ильсиярович, д-р юрид. наук, проф., зав. кафедрой международного и европейского права; Казанский федеральный университет, г. Казань, Российская Федерация;

Андряшко Марина Васильевна, канд. юрид. наук, доцент, кафедра общеправовых дисциплин и государственного управления; Барановичский государственный университет, г. Барановичи, Республика Беларусь;

Арабаев Автандил Анисович, д-р юрид. наук, проф., вед. научный сотрудник Института философии и политико-правовых исследований; Национальная академия наук Кыргызской Республики, г. Бишкек, Кыргызская Республика;

Безверхов Артур Геннадьевич, д-р юрид. наук, проф., директор Юридического института Самарского университета, зав. кафедрой теории и истории государства и права и международного права; Самарский университет, г. Самара, Российская Федерация;

Бортников Сергей Петрович, д-р юрид. наук, доцент, директор института права; Самарский государственный экономический университет, г. Самара, Российская Федерация;

Велиева Джамила Сейфаддин Кызы, д-р юрид. наук, проф., зав. кафедрой конституционного и международного права; Поволжский институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Саратов, Российская Федерация;

Воронцова Ирина Викторовна, д-р юрид. наук, доцент, кафедра гражданского процессуального права; Российский государственный университет правосудия (Казанский филиал), г. Казань, Российская Федерация;

Гамбарян Артур Сиреканович, д-р юрид. наук, проф., зав. кафедрой теории права и конституционного права Института права и политики; Российско-Армянский университет, г. Ереван, Республика Армения;

Джансареева Рима Еренатовна, д-р юрид. наук, проф., зав. кафедрой уголовного права, уголовного процесса и криминалистики; Казахский Национальный университет имени аль-Фараби, г. Алматы, Республика Казахстан;

Иногамова-Хегай Людмила Валентиновна, д-р юрид. наук, проф., кафедра уголовного права; Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Российская Федерация;

Исаenkova Оксана Владимировна, д-р юрид. наук, проф., зав. кафедрой гражданского процесса; Саратовская государственная юридическая академия, г. Саратов, Российская Федерация;

Качалова Оксана Валентиновна, д-р юрид. наук, доцент, руководитель научного направления исследования проблем уголовного судопроизводства Научного центра исследования проблем правосудия; Российский государственный университет правосудия, г. Москва, Российская Федерация;

Кленова Татьяна Владимировна, д-р юрид. наук, проф., зав. кафедрой уголовного права и криминологии; Самарский университет, г. Самара, Российская Федерация;

Михайлова Ирина Александровна, д-р юрид. наук, проф., кафедра гражданского и предпринимательского права; Российская государственная академия интеллектуальной собственности, г. Москва, Российская Федерация;

Поваров Юрий Сергеевич, канд. юрид. наук, доцент, кафедра гражданского и предпринимательского права; Самарский университет, г. Самара, Российская Федерация;

Попович Витомир, академик, д-р права, проф.; Университет в Баня-Луке, г. Баня-Лука, Босния и Герцеговина;

Полянский Виктор Владимирович, канд. юрид. наук, проф., зав. кафедрой государственного и административного права; Самарский университет, г. Самара, Российская Федерация;

Радован Давид, д-р права, доцент, кафедра гражданского права, помощник судьи Конституционного Суда Республики Чехия; Университет им. Т. Масарика, г. Брно, Чешская Республика;

Савельев Константин Анатольевич, канд. юрид. наук, доцент, зав. кафедрой уголовного процесса и криминалистики; Самарский университет, г. Самара, Российская Федерация;

Салкевич-Мунерлин Эва, д-р права, проф., кафедра международного права; Академия Анджея Фрича Моджевского, г. Краков, Республика Польша.

ISSN 1810-4088 Print
ISSN 2782-4276 Online

Subscription Index 85743

**JURIDICHESKIY
ANALITICHESKIY
ZHURNAL**

**JURIDICAL
ANALYTICAL
JOURNAL**

2024;19(1)

ИРИДИЧЕСКИЙ АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
JURIDICAL ANALYTICAL JOURNAL

JOURNAL FOUNDER AND PUBLISHER
FEDERAL STATE AUTONOMOUS EDUCATIONAL INSTITUTION OF HIGHER EDUCATION
«SAMARA NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY» (Samara University)

Indexing in databases: eLIBRARY.RU RSCI

Journal is published since 2001 It is published 4 times a year V. 19 (1) 2024

Remit of the journal:

- 5.1.1. Theoretical and historical legal sciences;
- 5.1.2. Public legal (state legal) sciences;
- 5.1.3. Private legal (civil) sciences;
- 5.1.4. Criminal legal sciences;
- 5.1.5. International legal sciences

The main conceptual task of the journal is the publication of articles by authors of the level of candidates and doctors of science, as well as practicing lawyers, referring, among other things, to works published in journals included in the list of the Higher Attestation Commission, Scopus and WoS.

All articles are reviewed in the program “Antiplagiat” and one-way peer-reviewed by the leading scientists in accordance with remit and specialties of the journal.

Chief editor

Trescheva, Evgeniya Alexandrovna, Doctor of Law, professor, Department of Civil Procedural and Business Law; Samara National Research University, Samara, Russian Federation

Deputy chief editor

Yudin, Andrey Vladimirovich, Doctor of Law, professor, head of the Department of Civil Procedural and Business Law; Samara National Research University, Samara, Russian Federation

Science editors

Agalarova, Mariya Andreevna, Candidate of Juridical Sciences, Department of Civil Procedural and Business Law; Samara National Research University, Samara, Russian Federation;

Serzhantova, Lidiya Alexandrovna, Candidate of Juridical Sciences, Department of Criminal Procedure and Criminalistics; Samara National Research University, Samara, Russian Federation

Postal address of editorial office:

1, Academician Pavlov Street, Samara, 443011, Russian Federation.

Tel. +7 (846) 3345406

E-mail: yuazh@ssau.ru,

www: <http://journals.ssau.ru/index.php/yuazh>

Publisher and founder: Samara University.

Center of Periodical Publications of Samara University

Publisher and founder address: 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Commissioning editor *T.A. Murzinova*

Literary editing, proofreading

T.A. Murzinova

Computer makeup, dummy

T.A. Murzinova

Information in English

M.S. Strelnikov

The Certificate on registration of means of mass-media ПИ № ФС 77-78550 as of 10.07.2020 is given by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media.

The former Certificate on registration of means of mass-media ПИ № 77-7591 as of 19.03.2001 is given by the Ministry of the Russian Federation for Affairs of the Press, Television and Radio Broadcasting and Mass Communication Media.

ISSN 1810-4088 Print, ISSN 2782-4276 Online

Supscription Index in the “Press of Russia” Catalogue of Internet 85743

Business model: financing of the journal is carried out by the founder, all articles are published free of charge.

0+ Free price

Author's articles do not necessarily reflect the views of the publisher.

Printed from OOO “Pram”

49, Polevaya Street, Volzhskiy district, village Kurumoch, Samara region, 443544, Russian Federation.

Passed for printing 29.07.2024. Format 60x84/8.

Litho paper. Instant print. Print. sheets 6,5.

Circulation 200 copies (first printing – 50 copies). Order №

Editorial staff:

Abdullin, Adel Ilsiyanovich, Doctor of Law, professor, head of the Department of International and European Law; Kazan Federal University, Kazan, Russian Federation;

Andriyashko, Marina Vasilievna, Candidate of Juridical Sciences, associate professor, Department of General Legal Disciplines and State Management; Baranavichy State University, Baranavichy, Republic of Belarus;

Arabaev, Avtandil Anisovich, Doctor of Law, professor, leading researcher of the Institute of Philosophy and Political and Legal Research; National Academy of Sciences of the Kyrgyz Republic, Bishkek, Kyrgyz Republic;

Bezverkhov, Artur Gennadievich, Doctor of Law, professor, director of the Institute of Samara University, head of the Department of Theory and History of State and Law and International Law; Samara National Research University, Samara, Russian Federation;

Bortnikov, Sergey Petrovich, Doctor of Law, associate professor, director of the Institute of Law; Samara State University of Economics, Samara, Russian Federation;

Velieva, Dzhamilia Seyfaddin Kyzy, Doctor of Law, professor, head of the Department of Constitutional and International Law; Povolzhsky Institute of Management named after P.A. Stolypin, Saratov, Russian Federation;

Vorontsova, Irina Viktorovna, Doctor of Law, associate professor, Department of Civil Procedural Law; Kazan branch of the Russian State University of Justice, Kazan, Russian Federation;

Gambaryan, Artur Sirekanovich, Doctor of Law, professor, head of the Department of Theory of Law and Constitutional Law, Institute of Law and Politics; Russian-Armenian University, Yerevan, Republic of Armenia;

Dzhansaraeva, Rima Erenatovna, Doctor of Law, professor, head of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics; al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Republic of Kazakhstan;

Inogamova-Khegay, Lyudmila Valentinovna, Doctor of Law, professor, Department of Criminal Law; Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation;

Isaenkova, Oksana Vladimirovna, Doctor of Law, professor, head of the Department of Civil Process; Saratov State Law University, Saratov, Russian Federation;

Kachalova, Oksana Valentinovna, Doctor of Law, associate professor, head of the scientific direction of research of problems of criminal proceedings, Scientific center of the research of problems of justice; Russian State University of Justice, Moscow, Russian Federation.

Klenova, Tatyana Vladimirovna, Doctor of Law, professor, head of the Department of Criminal Law and Criminology; Samara National Research University, Samara, Russian Federation;

Mikhailova, Irina Alexandrovna, Doctor of Law, professor, Department of Civil and Business Law; Russian State Academy of Intellectual Property, Moscow, Russian Federation;

Povarov, Yuriy Sergeevich, Candidate of Juridical Sciences, associate professor, Department of Civil and Entrepreneurial Law; Samara National Research University, Samara, Russian Federation;

Popovich, Vitomir, Academician, Doctor of Law, professor; University of Banja Luka, Banja Luka, Republic of Srpska;

Polyanskiy, Victor Vladimirovich, Candidate of Juridical Sciences, professor, head of the Department of State and Administrative Law; Samara National Research University, Samara, Russian Federation;

Radovan, David, Doctor of Law, associate professor, Department of Civil Law, assistant judge of the Constitutional Court of the Czech Republic; Masaryk University, Brno, Czech Republic;

Savelev, Konstantin Anatolievich, Candidate of Juridical Sciences, associate professor, head of the Department of Criminal Procedure and Forensic Science; Samara University, Samara, Russian Federation;

Salkiewicz-Munnerlyn, Ewa, Doctor of Law, professor, Department of International Law; Andrzej Frycz Modrzewski Krakow University, Krakow, Republic of Poland.

This is an open access content distributed under the Creative Commons Attribution License Which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work is properly cited. (CC BY 4.0)

СОДЕРЖАНИЕ

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Валентина А. Лазарева, Сергей А. Бадаев
Проблемы отказа государственного обвинителя от обвинения и пути их преодоления 7

Любовь А. Шестакова, Михаил Е. Кочнев
Проблемы и перспективы использования цифровых технологий в уголовном судопроизводстве РФ 15

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

Ольга В. Грицай, Рубен А. Саканян
Актуальные вопросы обращения взыскания на доходы должника в исполнительном производстве 26

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Сергей А. Осетров
Фиктивность и недействительность трудового договора: практика – есть, закона – нет 32

Владислава Э. Мамедова
Риск-ориентированный подход как методологическая основа публично-правового регулирования гарантий защиты персонифицированной медицинской информации 39

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Рамиль З. Юсупов, Николай В. Гудков
Международно-правовое регулирование банковской сферы в условиях санкций 47

Требования к оформлению статей 52

CONTENTS**CRIMINAL LEGAL SCIENCES****Valentina A. Lazareva, Sergey A. Badaev**

Problems of state prosecutor's refusal to prosecute and ways to overcome them 7

Lubov A. Shestakova, Mikhail E. Kochnev

Problems and prospects of the use of digital technology in criminal proceedings of the Russian Federation 15

PRIVATE LEGAL (CIVIL) SCIENCES**Olga V. Gritsai, Ruben A. Sakanyan**

Current issues of foreclosure on the debtor's income in enforcement proceedings 26

PUBLIC LEGAL (STATE LEGAL) SCIENCES**Sergey A. Osetrov**

Fictitiousness and invalidity of employment contract: there is judicial practice, there is no law 32

Vladislava E. Mamedova

Risk-based approach as a methodological basis for public legal regulation of guarantees for the protection of personalized medical information 39

INTERNATIONAL LEGAL SCIENCES**Ramil Z. Yusupov, Nikolay V. Gudkov**

International legal regulation of the banking sector under sanctions 47

Requirements to the design of articles

52

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

CRIMINAL LEGAL SCIENCES

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 343.16

Дата поступления: 20.02.2024
рецензирования: 23.03.2024
принятия: 20.06.2024

Валентина А. Лазарева Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, г. Самара, Российская Федерация
Сергей А. Бадаев Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, г. Самара, Российская Федерация

Проблемы отказа государственного обвинителя от обвинения и пути их преодоления

Аннотация: В статье рассматриваются дискуссионные вопросы поддержания и отказа от поддержания государственного обвинения в суде. Отмечается влияние решения прокурора отказаться от обвинения на позицию суда, обращается внимание на проблему обеспечения независимости суда в случае отказа прокурора от поддержания обвинения. Подробно раскрывается проблема обеспечения прав потерпевшего при отказе прокурора от обвинения, анализируются различные пути ее решения, предложенные теорией уголовного процесса, в том числе такие, как внедрение в уголовный процесс института субсидиарного обвинения, замена государственного обвинителя, компенсационные выплаты потерпевшему в случае прекращения уголовного дела в связи с отказом прокурора от обвинения. Недостатки каждого из предлагаемых способов обеспечения прав потерпевшего при отказе прокурора от обвинения диктуют необходимость дальше изучать данную проблематику, опираясь в том числе и на зарубежный опыт.

Ключевые слова: прокурор; государственный обвинитель; отказ от обвинения; потерпевший; гарантии прав потерпевшего; судебное разбирательство; независимость суда; субсидиарное обвинение.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Цитирование: Лазарева, Валентина А., Сергей А. Бадаев. 2024. “Проблемы отказа государственного обвинителя от обвинения и пути их преодоления”. *Юридический аналитический журнал Juridical Analytical Journal* 19 (1): 7–14. <http://doi.org/10.18287/1810-4088-2024-19-1-7-14>.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

© Валентина А. Лазарева, Сергей А. Бадаев, 2024

Валентина А. Лазарева, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

e-mail: v.a.lazareva@mail.ru

Сергей А. Бадаев, аспирант кафедры уголовного процесса и криминалистики, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

e-mail: badaevsergej@gmail.com

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 20.02.2024
Revised: 23.03.2024
Accepted: 20.06.2024

Valentina A. Lazareva

Samara National Research University, Samara, Russian Federation

Sergey A. Badaev

Samara National Research University, Samara, Russian Federation

Problems of state prosecutor's refusal to prosecute and ways to overcome them

Abstract: The article deals with the debatable issues of maintaining and refusing to maintain public prosecution in court. The influence of the prosecutor's decision to drop the charge on the position of the court is noted, attention is drawn to the problem of ensuring the independence of the court in case of the prosecutor's refusal to uphold the charge. The problem of ensuring the rights of the victim in case of prosecutor's refusal to prosecute is disclosed in detail, various ways of its solution proposed by the theory of criminal procedure are analyzed, including such ways as introduction of the institute of subsidiary prosecution in criminal proceedings, replacement of the state prosecutor, compensation payments to the victim in case of termination of the criminal case in connection with the prosecutor's refusal to prosecute. The shortcomings of each of the proposed ways to ensure the rights of the victim in case of prosecutor's refusal to prosecute dictate the need to further study this issue, relying, among other things, on foreign experience.

Key words: prosecutor; state prosecutor; dismissal of charges; victim; guarantees of victim's rights; trial; independence of the court; subsidiary prosecution.

Conflict of interest: authors declared is no conflict of interest.

Citation: Lazareva, Valentina A., Sergey A. Badaev. 2024. "Problems of state prosecutor's refusal to prosecute and ways to overcome them". *Juridicheskii analiticheskii zhurnal Juridical Analytical Journal* 19 (1): 7–14. <http://doi.org/10.18287/1810-4088-2024-19-1-7-14>. (In Russian)

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

© *Valentina A. Lazareva, Sergey A. Badaev, 2024*

Valentina A. Lazareva, Doctor of Laws, professor, professor of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

e-mail: v.a.lazareva@mail.ru

Sergey A. Badaev, postgraduate student of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

e-mail: badaevsergej@gmail.com

Введение

В соответствии с частью 7 статьи 246 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ), если в ходе судебного разбирательства государственный обвинитель придет к убеждению, что представленные доказательства не подтверждают предъявленное подсудимому обвинение, то он отказывается от обвинения и излагает суду мотивы отказа. Полный или частичный отказ государственного обвинителя от обвинения в ходе судебного разбирательства влечет за собой прекращение уголовного дела или уголовного преследования полностью или в соответствующей его части¹. Такие последствия отказа прокурора от обвинения обусловлены принципом состязательности уголовного судопроизводства, основанном на разделении процессуальных функций обвинения и осуществления правосудия, а также правилами о пределах судебного разбирательства,

обусловленных предъявленным подсудимому обвинением в ходе досудебного производства (статья 252 УПК РФ).

Основное исследование

На первый взгляд, правовые последствия неподтверждения обвинения в суде собранными по делу доказательствами в статье 246 УПК РФ урегулированы четко и однозначно: единственное решение, которое может принять суд при отказе прокурора от поддержания обвинения, заключается в прекращении уголовного дела. Однако изучение судебной практики, опрос работников суда и прокуратуры, произведенные учеными (Иванов 2003, 227–230; Петраков, Полякова 2006), показывают, что отказ прокурора от обвинения оставляет в дискуссионной зоне вопросы, которые не только не имеют четкого решения в условиях действующего правового регулирования, но и не находят однозначного понимания в теории уголовного процесса. В частности, это касается влияния решения прокурора на: а) формирование позиции суда,

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ. *Консультант Плюс*. Дата обращения: 12.02.2024. <http://www.consultant.ru>.

а также б) обеспечение прав и законных интересов потерпевшего. Поиск оптимального ответа на эти вопросы и составляет цель настоящего исследования.

Приступая к исследованию, авторы считают необходимым прежде всего раскрыть смысл самого понятия «отказ от обвинения». Из принципа состязательности и положений статей 239, 246, 252 УПК РФ следует, что если в ходе судебного разбирательства, предполагающего детальное рассмотрение всех материалов уголовного дела, у государственного обвинителя возникли обоснованные сомнения в том, что предъявленное подсудимому обвинение подтверждается исследованными доказательствами, он не только вправе, но и обязан отказаться от обвинения с изложением мотивов такого отказа. Отказ от обвинения равносителен отказу от продолжения уголовного преследования подсудимого, фактически прекращению его уголовного преследования. Прекращение прокурором уголовного преследования в суде² автоматически влечет прекращение рассмотрения судом уголовного дела по причине отсутствия предмета судебного разбирательства. Аналогичным образом решается этот вопрос и по уголовным делам частного обвинения (часть 4 и часть 5 статьи 321 УПК РФ).

Прекращение производства по уголовному делу при отказе прокурора от обвинения является очевидным результатом тенденции развития отечественного уголовного процесса в духе состязательности. Еще до принятия УПК РФ (2001 год) постановлением Конституционного Суда РФ от 20 апреля 1999 г. была пересмотрена правовая норма (часть 4 статьи 248 УПК РСФСР), допускавшая возможность продолжить судебное разбирательство после отказа прокурора от обвинения³, то есть «на общих основаниях разрешить вопрос о виновности или невиновности подсудимого», а значит, и постановить как оправдательный, так и обвинительный приговор. Наукой такая позиция Конституционного Суда в целом приветствовалась (Васильев 1999, 47–50), поскольку она

² Прекращение уголовного преследования в ходе досудебного производства осуществляется принятием соответствующего решения органом предварительного расследования без участия суда за исключением случаев, предусмотренного статьей 25¹ УПК РФ.

³ Постановление Конституционного Суда РФ от 20 апреля 1999 г. № 7-П «По делу о проверке конституционности положений пунктов 1 и 3 части первой статьи 232, части четвертой статьи 248 и части первой статьи 258 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР». *КонсультантПлюс*. Дата обращения: 13.02.2024. <http://www.consultant.ru>.

обеспечивала баланс сторон и «правильное» с точки зрения принципа состязательности процессуальное положение суда. Однако среди ученых нашлись и противники такого решения. Например, В.В. Кальницкий отмечал, что в попытках оградить суд от выполнения обвинительной функции законодатель зашел дальше своей цели, поскольку, предусмотрев такие последствия отказа от обвинения, он «вторгся в существенные признаки судебной власти и допустил ее умаление» (Кальницкий 2003, 76). По мнению названного автора, отказ прокурора от обвинения препятствует «свободному формированию внутреннего убеждения судьи», «делает судебную власть процессуально зависимой от органов обвинения». Надо полагать, это проявляется в том, что отказ прокурора от обвинения не оставляет суду альтернативы в выборе процессуального решения.

В таких рассуждениях есть определенная логика. При отказе прокурора от обвинения внутреннее убеждение суда, формирующееся в ходе исследования доказательств, как бы не имеет никакого значения, хотя оно может не совпадать с мнением прокурора. Налицо видимое противоречие: исчезновение обвинения как движущей основы судебного процесса, с одной стороны, исключает саму необходимость этого процесса, с другой – лишает суд возможности вынести справедливое, законное и обоснованное решение о виновности или невиновности подсудимого, то есть реализовать свое исключительное полномочие. Ставятся под сомнение независимость суда, его право на собственное усмотрение.

К этим рассуждениям можно добавить еще одно соображение. Категоричное указание на обязанность суда прекратить при описанных обстоятельствах уголовное дело лишает подсудимого права на оправдание. Мы почему-то в наших рассуждениях всегда исходим из того, что судья, продолжив разбирательство дела, обязательно вынесет обвинительный приговор, забывая при этом, что судья на основе исследованных доказательств может прийти к тому же мнению, что и прокурор. Учитывая несвязанность суда с материалами предварительного расследования, мы бы рискнули предположить, что судья легче и скорее, чем прокурор, способен усомниться в доказанности обвинения или даже прийти к убеждению в его недоказанности, являющейся, как известно, одним из оснований для постановления оправдательного приговора. Несмотря на относительно небольшое количество оправдательных при-

говоров, само их наличие в нашей практике подтверждает способность судей в критически значимых ситуациях правильно оценивать доказательства. Интересное исследование по этой тематике было проведено в диссертации И.А. Гизатуллина «Процессуальные проблемы реализации независимости судей в судебном разбирательстве по уголовным делам», где показан анализ уголовного дела, при рассмотрении которого суд согласился не с позицией государственного обвинителя об изменении квалификации деяния, а с мнением потерпевшего (Гизатуллин 2019, 144–153).

Отсюда вытекает и проблема обеспечения прав потерпевшего при отказе прокурора от обвинения, а соответственно, и реализации назначения уголовного судопроизводства. В случае отказа прокурора от обвинения потерпевший автоматически лишается права на изложение суду своих доводов о доказанности обвинения, а прекращением уголовного дела – права на доступ к правосудию и судебную защиту. Затрудняется возможность и отдалается перспектива получения компенсации причиненного преступлением ущерба. Позиция Конституционного Суда Российской Федерации, выраженная в постановлении от 8 декабря 2003 г. № 18-П: «...полный или частичный отказ государственного обвинителя от обвинения, влекущий прекращение уголовного дела, <...> должен быть мотивированным со ссылкой на предусмотренные законом основания, а вынесение судом решения, обусловленного соответствующей позицией государственного обвинителя, допустимо лишь по завершении исследования значимых для этого материалов дела и заслушивания мнений участников судебного заседания со стороны обвинения и защиты»⁴, – не обеспечивает защиты прав потерпевшего, несогласного с решением об отказе прокурора от обвинения. Разумеется, потерпевший не лишается права обратиться с иском о возмещении причиненного ему вреда в порядке гражданского судопроизводства, однако при этом он должен будет доказать его основания и размер ущерба, что становится более сложным в условиях констатированной недоказанности виновности конкретного лица в его причинении.

⁴ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации “По делу о проверке конституционности положений статей 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 и 408, а также глав 35 и 39 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами судов общей юрисдикции и жалобами граждан” от 8 декабря 2003 г. № 18-П. *КонсультантПлюс*. Дата обращения: 15.02.2024. <http://www.consultant.ru>.

Существует мнение, согласно которому потерпевшему как самостоятельному участнику уголовного процесса со стороны обвинения в случае несогласия его с позицией прокурора следует предоставить право самостоятельно поддерживать обвинение. В некоторых постсоветских странах это право закреплено в уголовно-процессуальном законодательстве.

Например, в результате острых научных дискуссий в УПК Республики Таджикистан появилась норма (часть 5 статьи 24) следующего содержания: «...отказ прокурора от обвинения не лишает лицо, пострадавшее от преступления, права поддерживать обвинение». Это означает, что при отказе прокурора от обвинения обвинительная деятельность потерпевшего из субсидиарной превращается в самостоятельную. Схожие по смыслу и содержанию правила нашли воплощение и в УПК Республики Казахстан – в статье 337, где закреплено, что при наличии возражения со стороны потерпевшего против прекращения уголовного дела вследствие отказа прокурора от обвинения суд продолжает разбирательство, в котором обвинение поддерживает потерпевший лично или через представителя. Из дальнейшего «если прокурор изменил обвинение и на прежнем обвинении не настаивает потерпевший, суд рассматривает дело по новому обвинению»⁵ следует, что и в этом случае потерпевший вправе поддерживать обвинение в первоначальном объеме. Этот подход законодателя профессор Л.В. Головкин назвал «компромиссной парадигмой», сочетанием «состязательного начала с одновременным «реверансом» в сторону принципа материально (объективной) истины посредством предоставления потерпевшему права на субсидиарный уголовный иск...» (Головкин 2013, 240–241).

Концепция субсидиарного обвинения в доктрине уголовного процесса принадлежит к числу малоизученных. В начале XX века вопрос о субсидиарном обвинении получил некоторое освещение в ряде научных работ российских правоведов. Но уже тогда между учеными не было согласия в вопросе о том, какой смысл следует вкладывать в это понятие. Например, И.Я. Фойницкий, классифицируя неофициальное обвинение, пишет: «...основные формы частного обвинения... суть: главное обвинение, когда частное лицо устраняет публичного

⁵ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 № 231-V. *Информационно-правовая система нормативных актов Республики Казахстан*. Дата обращения 15.02.2024. <https://adilet.zan.kz>.

обвинителя, заменяющее обвинение, когда частный обвинитель допускается по делу, преследование которого принадлежит публичному обвинителю, не желающему, однако, выступить с уголовным иском, и дополнительное обвинение, когда частное лицо действует в процессе совместно с публичным обвинителем, не устраняя, а лишь пополняя его» (Фойницкий 1910, 31).

В.П. Ширков, исследовавший формы участия частных лиц в обвинительной деятельности, предусмотренные зарубежным законодательством, называл случаи, когда потерпевший допускался к поддержанию публичного обвинения наравне с прокурором, побочным обвинением (Ширков 1900, 120–130).

В советской и постсоветской юридической литературе вопрос о содержании термина «субсидиарное обвинение» также не получил достаточной определенности. Так, в 1956 году С.А. Альперт, высказываясь против надления потерпевшего от преступления особыми процессуальными правами, писал: «Должны быть признаны политически ошибочными и практически вредными встречающиеся в литературе попытки протащить институт субсидиарного и дополнительного обвинения в советский уголовный процесс» (Альперт 1956, 22). Разграничивают дополнительное и субсидиарное обвинение Н.Н. Полянский (Полянский 1916) и Н.Е. Петрова (Петрова 2004).

По мнению С.А. Шейфера, предложения о легализации права потерпевшего продолжить уголовное преследование, несмотря на отказ прокурора от обвинения, выглядят обоснованными и соответствующими требованиям здравого смысла. Независимо от того, каким будет считаться обвинение, поддерживаемое в такой ситуации потерпевшим (субсидиарным, дополнительным, замещающим и т. п.), судебное разбирательство в полной мере сохранит состязательный характер, а потерпевший как полноправный участник со стороны обвинения получает фактическую возможность реализовать свой процессуальный статус. По его мнению, от такого укрепления состязательного начала при судебном разбирательстве судопроизводство только выиграет (Шейфер 2009, 134).

С учетом сказанного полагаем возможным предложить введение в статье 246 УПК РФ части 7.1: «Если в ходе судебного заседания государственным обвинителем принято решение отказаться от обвинения полностью, суд разъясняет потерпевшему право продолжить обвинение самостоятельно или при поддержке

адвоката». Термин «адвокат» здесь используется сознательно, поскольку самостоятельная обвинительная деятельность потерпевшего нуждается не в представительстве, а именно в квалифицированной юридической помощи.

Другой способ обеспечения прав и законных интересов потерпевшего подразумевает возможность замены государственного обвинителя, если им является должностное лицо прокуратуры, получившее поручение на поддержание обвинения от прокурора, утвердившего обвинительное заключение (обвинительный акт, обвинительное постановление). Именно такое решение предлагается приказами и указаниями генпрокурора. Так, пункт 1.6. приказа Генеральной прокуратуры № 376 от 30 июня 2021 г. «Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства»⁶ предписывает соответствующим прокурорам в случае принципиального несогласия с позицией государственного обвинителя, исходя из законности и обоснованности предъявленного обвинения, своевременно решать вопрос о замене государственного обвинителя либо поддерживать обвинение лично. Естественно, такое решение возможно лишь до тех пор, пока обвинитель публично не высказал позицию отказа от обвинения.

Наконец, есть и такой способ решения проблемы обеспечения прав потерпевшего при отказе прокурора от обвинения, как предоставление ему материальных гарантий возмещения вреда (Юношев 2014, 122). Такое решение не лишено оснований, поскольку государство, не обеспечившее защиту прав и интересов потерпевших, обязано полностью компенсировать вред, причиненный им как преступлением, так и неэффективностью деятельности своих органов. Именно на это, по нашему мнению, указывает статья 52 Конституции Российской Федерации.

Во многих странах, например в США, Германии, вопрос компенсации вреда жертвам преступлений решается за счет средств страхования, а также применения альтернативных (медиационных) процедур, способствующих принятию обвиняемым на себя ответственности по заглаживанию вины. Конечно, возможность получения компенсации удовлетворяет не все законные интересы потерпевшего, но отсутствие компенсации усугубляет конфликт, возникающий при отказе прокурора от обвине-

⁶ Приказ Генпрокуратуры России от 30.06.2021. *КонсультантПлюс*. Дата обращения: 12.02.2024. <http://www.consultant.ru>.

ния, влекущем прекращение уголовного дела, а соответственно, и невозможность получения возмещения вреда. Более того, возмещение ущерба или иным образом заглаживание причиненного вреда способно в определенной степени снизить остроту проблемы отказа от обвинения вследствие его недоказанности, поскольку создает условия для прекращения уголовного дела о преступлении небольшой или средней тяжести (статья 25 и статья 25¹ УПК РФ), чем освобождает прокурора от обязанности доказывания.

Выводы

Сложные вопросы уголовного судопроизводства, порождаемые отказом прокурора от государственного обвинения, могут иметь разное решение. Законодательное ведение в практику субсидиарного обвинения, способное как защитить интересы потерпевших, так и обеспечить независимость суда, представляется пред-

почтительным по делам о преступлениях высокой степени тяжести. В делах о преступлениях небольшой и средней тяжести, обладающих высоким потенциалом к мирному завершению путем прекращения уголовного дела, конфликта интересов в принципе можно избежать. Традиционной остается потребность в повышении качества предварительного расследования и государственного обвинения, недостаточностью которого в довольно значительной степени обусловлена вынесенная на обсуждение проблема. Намечившиеся перспективы развития уголовно-процессуального законодательства в направлении эффективного решения проблемы соблюдения баланса интересов при отказе прокурора от обвинения означают необходимость дальнейших ее исследований с целью поиска и выработки такого решения, которое обеспечит бы соблюдение состязательности и независимости суда, защиту прав и законных интересов потерпевшего.

Библиография

- Альперт, Семен А. 1956. *Потерпевший в советском уголовном процессе*: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Харьков.
- Васильев, Олег Л. 1999. “Состязательность как принцип организации судебного следствия в уголовном процессе (размышления над Постановлением Конституционного суда РФ от 20 апреля 1999 г.)”. *Вестник Московского университета* 5: 46–57. <http://lawlibrary.ru/article1083762.html>.
- Гизатуллин, Ирек А. 2019. *Процессуальные проблемы реализации независимости судей в судебном разбирательстве по уголовным делам*: дис. ... канд. юрид. наук. Уфа: 265 с. <https://elibrary.ru/item.asp?id=46599667>. EDN: <https://elibrary.ru/nxobxs>.
- Головенков, Павел В., Наталья Спица. 2012. *Уголовно-процессуальный кодекс ФРГ. Научные труды в области немецкого и российского уголовного права со вступительной статьей профессора Уве Хелльманна “Введение в уголовно-процессуальное право ФРГ”*. Potsdam: Universität Potsdam: 408 с. <https://publishup.uni-potsdam.de/opus4-ubp/frontdoor/deliver/index/docId/6039/file/sdrs02.pdf>.
- Головкин, Леонид В. 2013. *Институты “отказа прокурора от обвинения” и “изменения обвинения в суде”*: экзистенциальный аспект. *Теория уголовного процесса: состязательность*: монография. Москва: Юрлитинформ.
- Иванов, Вячеслав В. 2003. “Обеспечение прав потерпевшего при отказе прокурора от уголовного преследования по делам публичного обвинения”. *Проблемы обеспечения прав участников процесса по новому Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации*: материалы межрег. конф. / М-во образования Рос. Федерации, Самар. гос. ун-т, [Юрид. фак.], Каф. уголов. процесса и криминалистики, Сектор проблем правосудия Ин-та государства и права Рос. Акад. наук, Самар. обл. суд, Прокуратура: 225–131. <http://repo.ssau.ru/handle/Problemy-obespecheniya-prav-uchastnikov-processa/Obespechenie-prav-poterpevshego-pri-otkaze-prokurora-ot-ugolovno-go-presledovaniya-po-delam-publichnogo-obvneniya-81251>.
- Кальницкий, Владимир В. 2016. “Состязательное построение судопроизводства не должно препятствовать свободному формированию внутреннего убеждения судьи”. *Вопросы теории и практики уголовного судопроизводства. Избранные труды*. Омск: Омская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации: 31–35. <https://elibrary.ru/item.asp?id=29007608>, <https://elibrary.ru/ykucqh>.
- Меньших, Андрей А. 1999. “О возмещении ущерба жертвам преступлений во Франции”. *Журнал российского права* 3–4 (28–29): 158–165. <https://elibrary.ru/item.asp?id=23426883>. EDN: <https://elibrary.ru/tsqxnp>.

Петраков, Сергей В., Михаил П. Поляков. 2006. “Научные и практические доводы за право прокурора на отказ от обвинения”. *Уголовное судопроизводство* 4: 11–14. <https://elibrary.ru/item.asp?id=12921448>, <https://elibrary.ru/kwtrr>.

Петрова, Наталья Е. 2004. *Частное и субсидиарное обвинение*. Самара: Самарский университет. <https://www.rulit.me/books/chastnoe-i-subsidiarnoe-obvinenie-download-824346.html>.

Полянский, Николай Н. 1915. *К вопросу об участии частных лиц в публичном обвинении: (Принципиальные основания actio popularis в уголов. процессе)*. Москва. <https://www.litres.ru/book/nikolay-polyanskiy/k-voprosu-ob-uchastii-chastnyh-lic-v-publichnom-obvinen-480315>.

Фойницкий, Иван Я. 1910. *Курс уголовного судопроизводства*. Том II. Изд. 3-е. Санкт-Петербург: Сенатская типография. https://www.consultant.ru/edu/student/download_books/book/kurs_ugolovnogo_sudoproizvodstva_tom_ii/?ysclid=ly5s4e9rvm790926683.

Шейфер, Соломон А. 2009. *Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования: монография*. Москва: Норма. [https://dl.libcats.org/genesis/710000/c98674442bb60a88cd56b59d804dc50d/_as/%5BS._A._SHeifer%5D_Dokazatelstva_i_dokazuevanie_po_ug\(libcats.org\).pdf](https://dl.libcats.org/genesis/710000/c98674442bb60a88cd56b59d804dc50d/_as/%5BS._A._SHeifer%5D_Dokazatelstva_i_dokazuevanie_po_ug(libcats.org).pdf).

Ширков, Василий П. 1900. “Участие потерпевшего от преступного деяния в возбуждении уголовного преследования и обличении обвиняемого”. *Вестник права* 6: 120–140. <https://naukaprava.ru/catalog/435/736/1946/17547>.

Юношев, Станислав В. 2014. “Государственные компенсации жертвам преступлений: зарубежный опыт и российские перспективы”. *Вестник Самарского государственного университета* 11/2 (122): 212–219. <https://vestniksamsu.ssau.ru/index.php?c=issueArticle&articleId=1081&issueId=37&serieId=2>.

References

Alpert, Semyon A. 1956. *Victim in Soviet criminal proceedings: Author’s abstract of Candidate’s of Legal Sciences*. Kharkiv. (In Russian)

Foinitsky, Ivan Ya. 1910. *Course in criminal proceedings*. Volume II. 3rd edition. Saint Petersburg: Senatskaia tipografiia. https://www.consultant.ru/edu/student/download_books/book/kurs_ugolovnogo_sudoproizvodstva_tom_ii/?ysclid=ly5s4e9rvm790926683. (In Russian)

Gizatullin, Irek A. 2019. *Procedural problems of implementing the independence of judges in criminal proceedings: Candidate’s of Legal Sciences thesis*. Ufa: 265 p. <https://elibrary.ru/item.asp?id=46599667>, <https://elibrary.ru/nxobxs>. (In Russian).

Golovenkov, Pavel V., Natalya Spitsa. 2012. *Criminal Procedure Code of the Federal Republic of Germany. Scientific works in the field of German and Russian criminal law with an introductory article by Professor Uwe Hellmann “Introduction to the criminal procedure law of the Federal Republic of Germany”*. Potsdam: Universität Potsdam: 408 p. <https://publishup.uni-potsdam.de/opus4-ubp/frontdoor/deliver/index/docId/6039/file/sdrs02.pdf>. (In Russian).

Golovko, Leonid V. 2013. *Institutions of “refusal of the prosecutor to charge” and “change of charges in court”: an existential aspect. Theory of criminal process: adversariality: monograph*. Moscow: Iurlitinform. (In Russian)

Ivanov, Vyacheslav V. 2003. “Ensuring the rights of the victim when the prosecutor refuses to prosecute cases of public prosecution”. In: *Problems of ensuring the rights of participants in the process under the new Criminal Procedure Code of the Russian Federation: materials of the Interregional conference*. Ministry of Education of the Russian Federation, Samara State University, [Law Faculty], Department of Criminal Procedure and Forensics, Sector of Problems of Justice of the Institute of State and Law Russian Academy of Sciences, Samara Regional Court, Prosecutor’s Office: 225–131. <http://repo.ssau.ru/handle/Problemy-obespecheniya-prav-uchastnikov-processa/Obespechenie-prav-poterpevshego-pri-otkaze-prokurora-ot-ugolovnogo-presledovaniya-po-delam-publichного-obvneniya-81251>. (In Russian).

Kalnitsky, Vladimir V. 2016. “Adversarial structure of legal proceedings should not interfere with the free formation of the judge’s internal conviction”. In: *Issues of theory and practice of criminal proceedings. Selected works*. Omsk: Omskaia akademiia Ministerstva vnutrennikh del Rossiiskoi Federatsii: 31–35. <https://elibrary.ru/item.asp?id=29007608>. EDN: <https://elibrary.ru/ykucqh>. (In Russian)

- Menshikh, Andrey A. 1999. “On compensation for damage to victims of crime in France.” *Journal of Russian Law* 3–4 (28–29): 158–165. <https://elibrary.ru/item.asp?id=23426883>. EDN: <https://elibrary.ru/tsqxn timer>. (In Russian)
- Petrakov, Sergey V., Mikhail P. Polyakov. 2006. “Scientific and practical arguments for the prosecutor’s right to refuse charges”. *Criminal Judicial Proceeding* 4: 11–14. <https://elibrary.ru/item.asp?id=12921448>, <https://elibrary.ru/kwttrr>. (In Russian)
- Petrova, Natalya E. 2004. *Private and subsidiary prosecution*. Samara: Samarskii universitet. <https://www.rulit.me/books/chastnoe-i-subsidiarnoe-obvinenie-download-824346.html>. (In Russian)
- Polyansky, Nikolai N. 1915. *On the issue of the participation of private individuals in public prosecution: (Fundamental grounds of actio popularis in criminal proceedings)*. Moscow. <https://www.litres.ru/book/nikolay-polyanskiy/k-voprosu-ob-uchastii-chastnyh-lic-v-publichnom-obvinen-480315>. (In Russian)
- Shafer, Solomon A. 2009. *Evidence and proof in criminal cases: problems of theory and legal regulation: monograph*. Moscow: Norma. [https://dl.libcats.org/genesis/710000/c98674442bb60a88cd56b59d804dc50d/_as/%5BS._A._SHeifer%5D_Dokazatelstva_i_dokazuevanie_po_ug\(libcats.org\).pdf](https://dl.libcats.org/genesis/710000/c98674442bb60a88cd56b59d804dc50d/_as/%5BS._A._SHeifer%5D_Dokazatelstva_i_dokazuevanie_po_ug(libcats.org).pdf). (In Russian)
- Shirkov, Vasily P. 1900. “Participation of the victim of a criminal act in initiating criminal prosecution and incriminating the accused”. *Bulletin of law* 6: 120–140. <https://naukaprava.ru/catalog/435/736/1946/17547>. (In Russian)
- Vasiliev, Oleg L. 1999. “Adversarialism as a principle of organizing judicial investigation in criminal proceedings (reflections on the Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation as of April 20, 1999)”. *Vestnik Moskovskogo universiteta* 5: 46–57. <http://lawlibrary.ru/article1083762.html>. (In Russian)
- Yunoshev, Stanislav V. 2014. “State compensation for the victims of crime: international experience and Russian perspectives”. *Vestnik of Samara State University* 11/2 (122): 212–219. <https://vestniksamsu.ssau.ru/index.php?c=issueArticle&articleId=1081&issueId=37&serieId=2>. (In Russian)

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 343.13

Дата поступления: 27.12.2023
рецензирования: 17.02.2024
принятия: 20.06.2024

Любовь А. Шестакова Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, г. Самара, Российская Федерация
Михаил Е. Кочнев Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, г. Самара, Российская Федерация

Проблемы и перспективы использования цифровых технологий в уголовном судопроизводстве РФ

Аннотация: Уголовный процесс не меньше чем другие общественные сферы и правовые отрасли изменяется под влиянием цифровизации. Цифровые технологии стихийно проникают в уголовное судопроизводство и постепенно получают законодательное оформление, во многом отрывочное и противоречивое. Между тем со значительным опережением накапливается опыт применения цифровых технологий в уголовном судопроизводстве зарубежных стран. Некоторые из них уже допустили более активное их использование. Однако зарубежный опыт в этом направлении недостаточно осмыслен и освоен российским законодателем. Произвольная цифровизация уголовно-процессуальной деятельности без учета ее природы, объективно присущих ей особенностей увеличивает риск судебных и следственных ошибок, несправедливости разрешения дела и нарушения прав человека. В статье рассмотрены основные направления для внедрения цифровых технологий в досудебное и судебное производство по уголовным делам. Оценены перспективы перехода к цифровому уголовному процессу, обозначены проблемы этого процесса, сформулированы предложения по их нивелированию и преодолению.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство; цифровизация; досудебное производство по уголовному делу; судебное производство по уголовному делу; следственные действия; электронные доказательства.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Цитирование: Шестакова, Любовь А., Михаил Е. Кочнев. 2024. "Проблемы и перспективы использования цифровых технологий в уголовном судопроизводстве РФ". *Юридический аналитический журнал Juridical Analytical Journal* 19 (1): 15–25. <http://doi.org/10.18287/1810-4088-2024-19-1-15-25>.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

© *Любовь А. Шестакова, Михаил Е. Кочнев, 2024*

Любовь Александровна Шестакова, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

e-mail: lyuboshestakova@yandex.ru

Михаил Евгеньевич Кочнев, учебный мастер кафедры уголовного процесса и криминалистики, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

e-mail: mshmlss01@gmail.com

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 27.12.2023
Revised: 17.02.2024
Accepted: 20.06.2024

Lubov A. Shestakova Samara National Research University, Samara, Russian Federation
Mikhail E. Kochnev Samara National Research University, Samara, Russian Federation

Problems and prospects of the use of digital technology in criminal proceedings of the Russian Federation

Abstract: Criminal proceedings are changing under the influence of digitalization no less than other public spheres and legal sectors. Digital technologies spontaneously penetrate into criminal proceedings and gradually receive legislative registration, in many respects fragmentary and contradictory. Meanwhile, foreign countries are accumulating experience of the use of digital technology in criminal proceedings significantly ahead of the curve. Some of them have already allowed their more active use. However, foreign experience in this direction is not sufficiently comprehended and mastered by the Russian legislator. Arbitrary digitalization of criminal proceedings, without taking into account their nature and intrinsic characteristics, increases the risk of judicial and investigative errors, unfair resolution of the case and human rights violations. The article considers the main directions for the introduction of digital technology in pre-trial and trial in criminal cases. The prospects of transition to digital criminal proceedings are evaluated, the problems of this process are identified, proposals for their levelling and overcoming are formulated.

Key words: criminal proceedings; digitalization; pre-trial proceedings in a criminal case; judicial proceedings in a criminal case; investigative actions; electronic evidence.

Conflict of interest: authors declared is no conflict of interest.

Citation: Shestakova, Lubov A., Mikhail E. Kochnev. 2024. "Problems and prospects of the use of digital technology in criminal proceedings of the Russian Federation". *Juridicheskii analiticheskii zhurnal Juridical Analytical Journal* 19 (1): 15–25. <http://doi.org/10.18287/1810-4088-2024-19-1-15-25>. (In Russian)

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

© *Lubov A. Shestakova, Mikhail E. Kochnev, 2024*

Lubov A. Shestakova, Candidate of Legal Sciences, associate professor, associate professor of the Department of Criminal Process and Criminalistics, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

e-mail: lyuboshestakova@yandex.ru

Mikhail E. Kochnev, educational master of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

e-mail: mshmlss01@gmail.com

Введение

В настоящее время пути развития любой научной отрасли неизбежно сталкиваются с вопросами как приспособления к новым условиям цифрового общества, так и разработки новых возможностей и технологий для полноценного функционирования научной деятельности в рамках цифровизации. В связи с этим закономерно развитие цифровых институтов и в юридической науке и практике. Актуальность темы исследования связана с цифровыми и информационными процессами, изучение и развитие которых необходимо для правоприменительной деятельности в рамках уголовного судопроизводства. Из-за особой роли уголовного процесса в системе российского права внедрение электронных и цифровых новшеств опосредовано высокой степенью рисков, в связи с чем их введение в практику требует существенного теоретического осмысления, соответствующего уровня технического оснащения и использования эмпирического опыта, полученного путем заимствования уже готовых рабочих цифровых средств, используемых в уголовном судопроизводстве зарубежных стран.

Основное исследование

Досудебная стадия уголовного судопроизводства. Некоторые исследователи выделяют большую степень проникновения цифровизации в уголовный процесс посредством реформирования одного из его важнейших этапов. Этим этапом является возбуждение уголовного дела, то есть та стадия, которая запускает весь механизм уголовно-процессуальной машины правосудия.

В одной из своих работ профессор Л.Н. Масленникова также говорит о важности доступа к правосудию, который, в настоящий момент является затрудненным в силу низкой эффективности «советской» модели стадии возбуждения уголовного дела и целостного концептуального развития и совершенствования первого этапа судопроизводства. Также речь ведется об отсутствии единой ведомственной системы (а также системы межведомственного взаимодействия), посредством которой можно было бы «фиксировать» каждое процессуальное действие, а в дальнейшем весь процесс производства по делу (Масленникова 2020, 54).

Такая концепция перевода первой стадии уголовного процесса имеет схожесть с уголовным процессом США, в котором активно используется электронный документооборот. Следовательно, работа по сбору и изучению доказательств ложится на стороны обвинения и защиты, далее – состязательный процесс. По завершении дела происходит оцифровка доказательственной информации о фактических обстоятельствах дела, и все сведения хранятся в электронной системе судов (Пастухов 2018, 86). Однако даже здесь мы можем наблюдать, что сам процесс проходит в стиле классического американского процесса, а оцифровка дел является лишь одним из средств хранения информации. Однако в зарубежных моделях уголовного процесса есть средства цифровизации, имеющие положительную практику применения, о которых мы поговорим позднее.

В нашем представлении концепция перевода стадии возбуждения уголовного дела в цифровой формат является решительным шагом на пути к цифровизации уголовного судопроизводства, однако проводиться такая реформа должна путем внедрения единого программного решения для следствия и дознания, которое бы самостоятельно проводило оценку имеющихся фактов нарушения закона и анализировало бы, какие действия необходимо предпринять правоприменителю для принятия окончательного решения по делу. Таким образом, мы видим данное решение перспективным в качестве фактора развития и трансформации первой стадии процесса, но никак не в качестве решения, упраздняющего один из наиболее важных этапов уголовного судопроизводства.

Также в рамках данного вопроса целесообразно говорить о таких доказательствах, которые сами по себе являются следствием внедрения цифровизации в уголовный процесс. Рассматривая аудио- и видеодоказательства, мы можем проследить важность их присутствия и применения как на этапе возбуждения уголовного дела, так и на этапе предварительного расследования.

Аудио- и видеозаписи представляют собой особый источник сведений, требующий дополнительного теоретического осмысления. При этом совершенно очевидно, что технические возможности, существующие в настоящее время в распоряжении не только государства, но и частных лиц, выводят этот источник сведений на беспрецедентный по информативности и потенциалу познания уровень. При сравнении наиболее распространенного вида доказа-

тельств – свидетельских показаний – с аудио- и видеозаписями становится очевидно, что в ряде случаев последние обладают существенными преимуществами.

Во-первых, свидетельские показания традиционно относятся к личным доказательствам, то есть носителем данной информации является человек, воспринимающий, запоминающий, а впоследствии воспроизводящий полученные сведения. Аудио- и видеозаписи, напротив, представляют собой вещественные (материальные) доказательства, позволяющие субъекту доказывания выступить в роли «непосредственного наблюдателя (слушателя)». Применительно к рассматриваемому вопросу имеет место не отдельный вид доказательств, а определенная классификационная группа.

Во-вторых, свидетельские показания существенно зависят от временных рамок. В силу объективных физиологических особенностей с течением времени память человека об обстоятельствах и фактах (за редкими исключениями) ухудшается. В результате в случаях несоответствия показаний, данных на досудебной и судебной стадиях, используется механизм оглашения показаний, предусмотренный частью 3 статьи 281 УПК РФ. При этом правоприменитель лояльно относится к аргументации невозможности детального восстановления обстоятельств в связи с давностью событий.

В-третьих, в отличие от свидетельских показаний, аудио- и видеозаписи не нуждаются в проверке на заинтересованность. Несмотря на то что законодатель относит свидетеля к иным участникам уголовного судопроизводства, выделяемым в особую группу в связи с «процессуальной нейтральностью», в теории высказываются соображения о необходимости введения подобного критерия в качестве характеристики участников уголовного судопроизводства (Гарусов 2016, 63).

Безусловно, аудио- и видеозаписи не лишены недостатков. Как отмечалось ранее, они могут стать объектом фальсификации (Завидов 2004). Однако в этом случае, в отличие от показаний свидетелей, возможно привлечение лиц, обладающих специальными знаниями, позволяющими выявить воздействие на источник информации. Главный недостаток аудио- и видеозаписей заключается в их фрагментарности, возможности «вырвать из контекста» отдельные действия лица или события. Поэтому актуализируется значение способностей сотрудников правоохранительных органов корректно интерпретировать полученные таким

путем сведения и давать им правовую оценку. Все вышесказанное приводит к вопросу о последствиях применения цифровых технологий в уголовном судопроизводстве. Качество и распространенность средств аудио- и видеозаписи уже в настоящее время позволяет предоставить детальные сведения о событии, подлежащем оценке на наличие в действиях запечатленных лиц признаков состава преступления. В подобных условиях возникает тенденция к фактическому сближению содержания рассматриваемых «оснований», поскольку убежденность следователя (дознателя) может напрямую зависеть от объема информации, содержащегося на аудио- и видеозаписях. Таким образом, на этапе инициирования уголовно-процессуальной деятельности проверяющий орган уже получает в распоряжение сведения, не только являющиеся «достаточными данными» для возбуждения уголовного дела, но и во многом определяющие направление и основу следственной деятельности.

На практике подобная ситуация существенно изменила процедуру доказывания отдельных видов преступлений, в частности взяточничества. Латентность подобной преступной активности в сочетании с проблемами выявления возможности провокационного поведения привели к тому, что в подавляющем большинстве уголовных дел аудио- и видеозапись используется в качестве необходимого источника сведений, на основе которого возбуждается уголовное дело и выставляется вся процедура доказывания. Подобная ситуация наблюдается и при доказывании других видов преступлений, совершаемых в общественных местах: на стадионах, в торговых центрах, на транспорте.

Проблема формулирования однозначного вывода по данному вопросу заключается в необходимости поиска баланса между ограничением прав лиц, причастных к обстоятельствам, повлекшим возбуждение уголовного дела; защитой потенциально нарушенных прав граждан, общества, государства и надлежащим исполнением обязанностей сотрудниками правоохранительных органов. Как отмечал А.Ф. Кони, возбуждение уголовного преследования «должно слагаться из двоякого рода действий: из проверки сведений, дающих основание и даже обязывающих начать уголовное преследование, и из самого начатия преследования путем предложений о производстве следствия, привлечения обвиняемого и принятия против него предупредительных от побега мер. Уголовное преследование слишком серьезная

вещь, чтобы не вызывать самой тщательной обдуманности» (Середнев 2016, 18). Помимо внутренних «фильтров» принятия процессуальных решений, имеют место внешние, выражающиеся в полномочиях суда, руководителя следственного органа и прокурора проверять законность и обоснованность действий сотрудника. В результате неизбежна дополнительная осторожность следователя и дознавателя в процессе собирания, проверки и оценки материалов проверки сообщения о преступлении. Но высокая степень критерия оценочности при принятии обоснованного решения о возбуждении уголовного дела должна свидетельствовать о свободе усмотрения должностного лица. Стоит отметить, что достаточность в уголовном судопроизводстве представляет собой совокупность количественного и качественного показателей, сочетание которых должно обеспечивать достижение целей познающего субъекта. Таким образом, в уголовно-процессуальной теории отсутствуют препятствия для вывода о недопустимости возбуждения дела исключительно на основании аудио- и видеозаписи, однако совершенно очевидно, что для массового внедрения подобного механизма с учетом высоких стандартов международного законодательства необходима регламентация требований к содержанию таких аудио- и видеозаписей. Реализация курса на цифровизацию процессуальной деятельности требует систематизации судебной практики и выработки руководящих начал использования технических средств в уголовном судопроизводстве.

С учетом необходимости переосмысления соотношения понятий основания для возбуждения уголовного дела и оснований для предъявления обвинения в уголовном судопроизводстве существуют ли предпосылки для упрощения процедуры доказывания при наличии аудио- и видеозаписи преступления и при полном признании лица в совершении инкриминируемого деяния?

В условиях современного уголовно-процессуального законодательства ответ должен быть отрицательным. Назначение уголовного судопроизводства состоит в защите интересов как лиц, пострадавших от незаконной деятельности, так и лиц, привлекаемых к уголовной ответственности. Субъекты, осуществляющие предварительное расследование, помещены в главу УПК РФ, посвященную регламентации полномочий стороны обвинения, то есть законодатель определил их в качестве процессуальных оппонентов подозреваемого, обвиняемого.

Однако, как отметила В.А. Лазарева, наделение исключительными полномочиями на сбор доказательств на досудебной стадии, а также необходимость обеспечения защиты прав участников уголовного судопроизводства делают схожим процессуальный статус суда и лица, осуществляющего предварительное расследование. Несмотря на то что современный УПК РФ не унаследовал изложенный в советском уголовном судопроизводстве принцип объективной истины, следователь и дознаватель в процессе доказывания обязаны устанавливать обстоятельства как подтверждающие, так и опровергающие виновность подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления (Лазарева 2018, 7). Таким образом, формирование убежденности управомоченного лица в доказанности преступления возможно только в условиях преодоления презумпции невиновности совокупностью доказательств. В данном случае необходимо ограничивать «основное» доказательство, содержание и информативность которого существенно влияют на возможность установления обстоятельств уголовного дела от единственного доказательства, положенного в основу обвинения.

Если в первом случае возникает предпосылка дальнейшей деятельности следствия в рамках уголовного судопроизводства, то во втором фактически имеет место игнорирование одного из базовых элементов процедуры доказывания – проверки доказательств. Статья 87 УПК РФ определяет комплекс действий, необходимых для корректной проверки доказательств: сопоставление с другими доказательствами, имеющимися в деле; установление источников доказательств; получение иных доказательств, подтверждающих или опровергающих проверяемое доказательство.

Развитие цифровых технологий в ближайшей перспективе потребует существенного реформирования уголовно-процессуального законодательства. Частично мы уже затронули этап предварительного расследования в рамках вопроса об аудио- и видео-доказательствах, но теперь мы перейдем к его более детальному рассмотрению в рамках цифровизации.

Технические средства можно применять для протоколирования следственных действий, например при аудиовизуальном документировании следственного действия (аудиовизуальный протокол) и фиксации объектов доказательственной базы. Хотя в УПК РФ и встречается понятие «технические средства», однако он не содержит перечня технических средств, кото-

рые могут использоваться в судопроизводстве (представляется, что к ним можно отнести, в частности, приборы, специальные приспособления, материалы, правомерно применяемые для обнаружения, фиксации, изъятия и исследования доказательств). Кроме того, процессуальный закон регламентирует применение звуко- и видеозаписи при допросах (часть 4 статьи 190 УПК РФ), но не закрепляет перечня случаев обязательного применения технических средств при производстве следственных действий (за исключением «обязательного фотографирования громоздких вещественных доказательств, которые не могут быть приобщены к делу в их естественном виде» (часть 1 статьи 82 УПК РФ), фотографирования и дактилоскопирования неопознанных трупов (часть 2 статьи 178 УПК РФ)). В УПК РФ «определены субъекты применения технических средств и использования специальных познаний (статьи 37, 38, 39, 41 УПК РФ, часть 1 статьи 57, часть 1 статьи 58 УПК РФ); цели их применения (часть 1 статьи 58 УПК РФ); возможность и порядок применения технических средств при производстве следственных действий (часть 6 статьи 164 УПК РФ), характер сведений о технических средствах, отражаемых в протоколах отдельных следственных действий (пункт 2 часть 4 статьи 190 УПК РФ), а также порядок оформления результатов применения технических средств при производстве отдельных следственных действий (часть 5 статьи 166 УПК РФ) и др.». Тем не менее уголовно-процессуальное законодательство обходит стороной вопрос о том, относятся ли к категории технических средств специальные технические средства, предназначенные для негласного получения информации. В условиях расплывчатости законодательного регулирования использования специальных технических средств, предназначенных для получения информации в цифровом виде, в уголовном судопроизводстве действенными мерами предупреждения злоупотреблений остаются меры уголовно-правового характера.

Однако и уголовно-процессуальное законодательство в ближайшей перспективе потребует существенного изменения с учетом возможности применения технических средств (в том числе предназначенных для негласного получения информации) как основного способа протоколирования следственных действий и фиксации доказательств при расследовании и раскрытии преступлений. В частности, необходимо приравнять по процессуальной значимости материалы уголовного дела, зафиксиро-

рованные в письменной форме, и материалы, зафиксированные при помощи технических средств аудиальной и визуальной фиксации информации, в том числе если такие материалы получены с применением технических средств.

Согласно части 6 статьи 164 УПК РФ: «...при производстве следственных действий могут применяться технические средства и способы обнаружения, фиксации и изъятия следов преступления и вещественных доказательств», то есть современные цифровые средства также дозволено использовать в рамках проведения следственных действий в целях, во-первых, получения наиболее быстрым и точным способом материалов для уголовного дела, а во-вторых, в целях способствования раскрытию новых видов преступлений либо преступлений, совершенных способами, связанными с цифровой средой.

В настоящее время мы можем наблюдать, что новые технические возможности могут быть интегрированы в существующую систему доказательств в уголовном процессе, но, что довольно интересно, не приводят к появлению новых. Если мы обратимся к статье 164.1. УПК РФ, то увидим, что закон дополнительно регламентировал проведение осмотра электронных носителей информации, итогом чего явился иной вид осмотра, уникальный по отношению к другим видам осмотра, однако нового источника доказательств как такового от этого не возникло.

Вместе с тем очевидно влияние этого обстоятельства на появление различного рода экспертиз, вызванного потребностью в исследовании и изучении цифровых устройств и информации, которая на них хранится. Так в уголовном процессе активно используется компьютерно-техническая экспертиза, в рамках которой происходит исследование программных обеспечений, технических средств и телекоммуникационных сетей, что способствует получению соответствующих доказательств и передаче их экспертной оценке.

В связи с изменениями в законодательстве¹ в оперативно-розыскной деятельности появилось такое мероприятие, которое называется

¹ Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон «О противодействии терроризму» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности» от 06.07.2016 № 374-ФЗ. Дата обращения: 27.09.2023. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_201078.

«получение компьютерной информации»², но касательно уголовного процесса подобные новшества не вызывают необходимости, потому что существующие следственные действия, такие как выемка и обыск, полностью охватывают возможность получения доказательств для целей судопроизводства. Также существует концепция принципиально нового следственного действия, которое называется «электронный обыск», суть которого заключается в том, чтобы эксперт или следователь с разрешения суда могли получить удаленный доступ к любому электронному устройству подозреваемого или обвиняемого для обнаружения, копирования имеющейся там информации либо для использования устройства с целью управления его функционалом (GPS-связь, микрофон и т. д.) для обнаружения и фиксации преступных действий лица (Ищенко 2022, 38). Главный минус данной концепции заключается в характере осуществляемого действия, который является тайным (негласным), что не позволяет определить статус данной процедуры в качестве следственного действия и дает возможность ее отнесения только к списку потенциальных оперативно-розыскных мероприятий.

Также актуальным является вопрос, который исследователи связывают с тем, что мы часто называем оцифровкой данных, или просто оцифровкой. Здесь подразумевается перевод процессуального акта с бумаги на электронный носитель. Казалось бы, что это явление само собой разумеющееся, но появляется два вопроса: во-первых, изменится ли природа самого акта от того, что он существует не на бумаге, а на компьютере, и, во-вторых, сможет ли электронный носитель стать полноценным хранилищем для всех уголовных дел, заменив при этом физическое хранилище?

В предыдущем параграфе была рассмотрена глава 56 УПК РФ, которая объясняет алгоритм определенных процессуальных действий, которые могут быть совершены некоторыми участниками уголовного судопроизводства, однако круг вопросов, затрагиваемых в данной главе, не раскрывает потенциала использования электронного документооборота на всех стадиях процесса.

Понятие «электронный документ» закреплено в Федеральном законе «Об информации, информационных технологиях и о защите

² Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12.08.1995 № 144-ФЗ. Дата обращения: 27.08.2023. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7519.

информации»³ в пункте 11.1 статьи 2, которое сформулировано как: «...электронный документ – документированная информация, представленная в электронной форме, то есть в виде, пригодном для восприятия человеком с использованием электронных вычислительных машин, а также для передачи по информационно-телекоммуникационным сетям или обработки в информационных системах». Таким образом, понятие электронного документа, установленное данным законом, фактически включает в себя и те электронные документы, которые предусмотрены главой 56 УПК РФ, однако это понятие охватывает более широкую сферу общественных отношений, которая фактически позволяет применять электронный документооборот в решении не только отдельных процессуальных моментов на судебной стадии процесса, предусмотренных статьей 474.1. УПК РФ.

В части 2 статьи 166 УПК РФ довольно четко говорится о том, что «протокол может быть написан от руки или изготовлен с помощью технических средств...». Там же написано и о дополнительных средствах фиксации информации: «При производстве следственного действия могут также применяться стенографирование, фотографирование, киносъемка, аудио- и видеозапись. Стенограмма и стенографическая запись, фотографические негативы и снимки, материалы аудио- и видеозаписи хранятся при уголовном деле». По поводу следственных действий – двойная форма фиксации информации говорит о наиболее объективном подходе к ее первоисточнику и снижает возможную предвзятость к участникам уголовного дела.

Даже полный перевод всего уголовного дела в «цифру» ничего в уголовно-процессуальном плане не меняет, так же как ничего не меняет, например, в литературном плане возможность читать классическую литературу не только в книжном варианте, но и на электронном носителе. Речь идет, на самом деле, исключительно о техническом вопросе хранения уголовных дел. Но здесь возникает другой вопрос: если существует возможность перевода или непосредственного изготовления значительной части уголовно-процессуальных документов в электронной форме, то может ли электронная форма хранения уголовных дел вскоре заменить физическую форму их хранения? Пусть

данный вопрос и имеет, как мы выяснили, не сущностный (революционный), а сугубо технический характер (Сергеев 2018).

Еще одна сложность заключается в том, что одним из главных атрибутов уголовного дела является вещественное доказательство, которое мы не можем перевести в электронную сферу без потери уникальных качеств.

Статья 74 УПК РФ говорит о том, что доказательствами могут являться любые сведения, на основе которых устанавливается наличие либо отсутствие обстоятельств, которые подлежат доказыванию. Однако часть 2 той же статьи очерчивает круг сведений, которые будут являться допустимыми доказательствами. Если исходить из смысла части 4 статьи 81 УПК РФ и пункта 5 части 2 статьи 82 УПК, доказательства, содержащиеся на электронном носителе информации, будут относиться к вещественным доказательствам, однако вопрос о допустимости данного доказательства будет актуальным, поскольку само хранилище доказательством не является.

Необходимость реальных («физических») уголовных дел связана с необходимостью хранения вещественных доказательств, значение которых в данном виде судопроизводства переоценить сложно. Мы, конечно, можем перевести вещественные доказательства в 3D-версию, виртуализировать их и т. п. Технически это сегодня никаких сложностей не вызывает. Ориентироваться все равно придется на реальную часть уголовного дела (вещдоки и т. п.), что несколько снижает все достоинства цифровизации. Маловероятно, что эксперт сможет работать с отпечатками пальцев со стакана через компьютер, без непосредственного взаимодействия с самим объектом. Однако, как мы говорили ранее, опыт проведения компьютерно-технических экспертиз возможно использовать и в проведении исследований электронных доказательств, которые, по своей сути, являются вещественными доказательствами, которые хранятся в виртуальном пространстве.

В рамках этапа предварительного расследования по уголовному делу также уместно говорить о производстве процессуальных действий с использованием системы видео-конференц-связи (далее – ВКС). Подробнее ВКС и опыт ее использования мы изучим в следующем параграфе, поскольку ее появление и сущностный потенциал неразрывно связаны с судебной стадией судопроизводства, а сейчас мы можем обозначить, что УПК РФ также позволяет использование ВКС на этапе предварительного

³ Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27.07.2006 № 149-ФЗ. Дата обращения: 24.09.2023. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798.

расследования. На это указывает статья 189.1 УПК РФ, которая регламентирует проведение таких следственных действий, как допрос, очная ставка и опознание с использованием ВКС. По сути, данные следственные действия проводятся в классическом формате, однако с учетом некоторых особенностей. Среди таких, например, участие не одного следователя (дознателя), а двух. Объясняется это тем, что один следователь отвечает за содержательную часть допроса (то есть является его инициатором и лицом, ведущим дело), а второй следователь – за организационную часть допроса, то есть по письменному поручению следователя, которому поручено производство по делу, он обеспечивает явку лица на допрос в специально оборудованное помещение для общения первого следователя с таким лицом посредством ВКС.

Использование ВКС на этапе предварительного расследования имеет положительный характер использования в следственной практике как минимум по двум причинам: 1) снижению процессуальных издержек и обеспечение разумного срока производства по делу (например, у следователя отпадает необходимость выезжать за пределы административно-территориального образования для проведения следственного действия, что крайне актуально для регионов, где расстояние между населенными пунктами может достигать более 1 тыс. км); 2) следственное действие является более прозрачным, поскольку привлечение следователя, объективно не заинтересованного в результате конкретного дела, имеющего право давать замечания о дополнении и уточнении протокола (часть 5 статья 189.1 УПК РФ), является, во-первых, фактором, снижающим риски оказания излишнего давления на допрашиваемого со стороны следователя, а во-вторых, дополнительным источником психологического влияния на допрашиваемого (то есть работающим в обе стороны).

Судебная стадия уголовного судопроизводства. Центральным этапом в уголовном процессе является судебное разбирательство. В условиях цифровизации существенное влияние информационных технологий и научно-технического прогресса оказывается не только на решение задач функционального характера, но и на элементы организации судебной стадии процесса.

Наиболее востребованным цифровым явлением на судебных стадиях уголовного процесса в настоящий момент является система видео-конференц-связи в судебном заседании.

Формирование системы ВКС началось с 2000 года, когда в Верховном Суде Российской Федерации состоялось первое заседание с удаленным участием осужденных из СИЗО-77/3 г. Москвы⁴. В настоящий момент ВКС используется как действенное средство проведения судебных заседаний и коммуникации между судом и участниками процесса.

УПК РФ не содержит в себе определения видео-конференц-связи, в связи с чем замечается трудность в разграничении регулирования ВКС и, например, трансляции хода судебного заседания в сети Интернет, в связи с чем было бы опционально дополнить статью 5 УПК подобным термином (Гринь 2020, 84).

Не учитывая факта того, что УПК РФ не содержит термин «ВКС», деятельность, осуществляемая с применением такой технологии, урегулирована рядом норм, таких как: часть 6 статьи 35 УПК РФ; статья 293 УПК РФ; часть 2 статьи 389.12 УПК РФ; часть 8 статьи 389.13 УПК РФ; часть 2 статьи 399 УПК РФ; часть 2.1 статьи 399 УПК РФ; часть 2 статьи 389.12 УПК РФ.

Можем отметить, что УПК РФ хотя и регулирует отдельные процессуальные действия с использованием ВКС (например, изложение позиции осужденного с помощью систем видео-конференц-связи как средство обеспечения его участия в судебном заседании при разрешении вопросов, связанных с исполнением приговора (часть 2 статьи 399 УПК РФ) или исследование доказательств судом апелляционной инстанции с использованием видео-конференц-связи (часть 8 статьи 389.13 УПК РФ)), но в целом картина свидетельствует о том, что правила УПК РФ, касающиеся такого технического процесса, довольно бессистемны в регламентации.

Таким образом, мы видим, что законодатель прослеживает тенденцию возрастающего интереса к использованию цифровых систем в уголовном процессе.

Что касается преимуществ использования ВКС в уголовном процессе, то можно выделить такие аспекты, как:

1) сниженные риски побега заключенных, которым назначено участие в судебном заседании, либо же снижение потенциальной возможности совершения ими других преступлений во время конвоирования до места, где будет проходить суд;

⁴ 20-летнее применение видео-конференц-связи в Верховном Суде Российской Федерации. *ВС РФ*: официальный сайт. Дата обращения: 04.08.2023. https://www.vsrfr.ru/press_center/news/28850.

2) снижение материальных затрат, связанное с перемещением и этапированием осужденных;

3) обеспечение дополнительной безопасности для лиц, осуществляющих работу с осужденными;

4) снижение длительности судопроизводства, связанное с потенциальным сокращением сроков проведения отдельных действий (Поликарпов 2014, 91–92).

Что касается рисков (или недостатков) использования системы ВКС в уголовном процессе, то они являются «классическими» для института цифровых технологий в судопроизводстве, и о них мы говорили ранее (надежность хранения информации, степень защищенности системы от хакерских атак и т. д.).

В целом настоящее техническое решение уже доказало эффективность своего применения в судебном процессе, и, что наиболее вероятно, ему будет придаваться дополнительная правовая регламентация в уголовно-процессуальном законе, поскольку потенциал его использования очень велик.

Также в рамках статьи целесообразно опираться на опыт цифровизации уголовного процесса в зарубежных странах, поскольку Российская Федерация хотя и имеет высокий потенциал внедрения информационных новшеств в судопроизводство, но в то же время значительно отстает от других государств.

Если обратиться к практике стран англосаксонского права, то там в значительной степени заметна куда более прогрессивная форма цифровой модели судопроизводства, поскольку многие сходные процедуры в судопроизводствах стран континентального права имеют совершенно иной вид, причем не столько из-за различий в видах процесса, сколько из-за подходов к тому, каким образом совершается процессуальное действие (имеется в виду с активным использованием цифровых технологий и, напротив, с опосредованным, то есть задействованным исключительно в качестве вспомогательного технического средства).

Первая технология, о которой будет вестись речь, – использование двухмерного и трехмерного моделирования для рассмотрения уголовных дел в суде. Данный вопрос уже был косвенно затронут в первом параграфе статьи, но теперь речь пойдет о применении данного технического решения непосредственно в уголовном процессе, поскольку для российского уголовно-процессуального права перенятие подобного опыта является достаточно перспек-

тивным. В США данная технология активно используется с 1994 года по настоящее время, то есть создает некий базис для транспозиции практически тридцатилетнего опыта использования технологии в судопроизводстве других государств (Коньгин 2017, 100).

Суть двухмерного и трехмерного моделирования заключается в том, что в виртуальном пространстве создается некий образ (модель), который либо детально повторяет какой-либо объект материального мира (образец), либо создает (воссоздает) принципиально новый объект для каких-либо целей. С технической точки зрения в настоящее время такое решение абсолютно уникально и универсально, поскольку существует вполне определенный набор программ, предназначенных для разработки и изменения виртуальных моделей, а также управления ими.

В ходе судебного разбирательства данная процедура могла бы использоваться для решения ряда проблем с изучением доказательств, таких как, например:

1) изучение в судебном заседании объекта материального мира, по ряду причин недоступного для изучения в зале судебного заседания (удаленное местоположение объекта, например);

2) изучение воссозданного объекта в виртуальном пространстве, но уничтоженного в материальном мире;

3) наглядная иллюстрация произошедшего события, воссозданная с помощью технологии моделирования (эффективна, например, в суде присяжных).

Таким образом, на стадии судебного разбирательства использование данной технологии могло бы стать эффективным средством исследования доказательств по уголовному делу, в ходе чего как снизились бы материальные затраты на процедуру исследования, так и сократилось время, которое будет затрачено на иные формы исследования доказательств в суде. В рамках так называемой «процессуальной экономии» вопрос времени, затраченного на разбор одного уголовного дела в суде, был бы решен за счет использования как такого технического решения индивидуально, так и в совокупности с другими цифровыми технологиями, что, стоит заметить, было бы произведено даже не с потерей «качества» правосудия, а, наоборот, с его значительным показателем.

Второй вид технологий, активно используемых в странах англосаксонского права,

связан как с известными нам информационными системами, которые также называют «правовые помощники» (речь идет об информационно-правовых системах, таких как «Гарант» и «КонсультантПлюс» в России), так и с технологиями, которые на основании различных комплексов критериев решают определенные юридические задачи.

Так, с 1998 года в ряде штатов США активно используется ПО COMPAS (Correctional Offender Management Profiling for Alternative Sanctions). Данная программа анализирует сведения по 137 критериям, включая такие параметры, как пол, возраст, уголовное прошлое, и по итогу анализа дает результат, на основании которого у судьи появляется информация о том, какую меру пресечения выбрать наиболее опционально с учетом прогнозирования возможного рецидива или досрочного освобождения (Шестакова 2022, 44).

В 2018 году было проведено исследование, в ходе которого была изучена точность результата, прогнозируемого КОМПАСом, в соотношении с результатами оценки сведений по уголовным делам, которые были даны респондентами-людьми. Было выявлено, что ответ, который был дан машиной, не является более точным или справедливым, чем ответ, который был дан опрошенными, не имеющими опыта в сфере уголовной юрисдикции, в связи с чем исследователи пришли к выводу, что подобное программное обеспечение работает по принципу классического классификатора информации

и на основании того, в какую ячейку попало больше отрицательной или положительной информации, наиболее велик процент «выпадения» той или иной информации⁵. Однако стоит учесть, что результат, который был дан машиной, в большинстве случаев совпадает с результатом, который показали живые люди, в связи с чем можно говорить о том, что подобное ПО хотя и нуждается в доработке и переосмыслении, но прогноз его дальнейшей интеграции с судебной системой является решением крайне перспективным как в США, так и в других странах.

Выводы

Подводя итоги анализа цифровизации судебной стадии, мы можем говорить о том, что перспективы внедрения различных технологий в российское уголовное судопроизводство довольно велики, поскольку технология видео-конференц-связи активно применяется в современных судебных заседаниях, а также подвергается переосмыслению и коррективам со стороны законодателя, что свидетельствует о высокой степени заинтересованности в этой сфере. Что касается зарубежного опыта, – то наше государство имеет широкий спектр возможностей и «сырья» для цифровых нововведений в российский уголовный процесс.

⁵ The Accuracy, Fairness, and Limits of Predicting Recidivism. *Science Advances*: 4 (1). Дата обращения: 08.07.2023. <https://www.science.org/doi/10.1126/sciadv.aao5580>.

Библиография

- Гарусов, Андрей В. 2016. “О некоторых проблемах оценки показаний лиц, заинтересованных в исходе уголовного дела”. *Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России* 2 (70): 60–64. <https://elibrary.ru/item.asp?id=26684023>. EDN: <https://elibrary.ru/wlycbt>.
- Гринь, Давид С. 2020. “Теоретическое и нормативное определение видеоконференцсвязи в уголовном судопроизводстве”. *Юридическая наука* 3: 82–86. <https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskoe-i-normativnoe-opredelenie-videokonferentssvyazi-v-ugolovnom-sudoproizvodstve?ysclid=ly77ode0l632490846>.
- Завидов, Борис Д., Николай П. Кузнецов. 2004. “Проблемы доказательств и доказывания в уголовном судопроизводстве”. *Справочно-правовая система “КонсультантПлюс”*.
- Ищенко, Петр П. 2022. “Следственные действия в условиях цифровизации уголовного судопроизводства”. *Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения* 1: 30–42. <http://doi.org/10.17150/2411-6122.2022.1.30-42>.
- Коньгин, Руслан А., Любовь А. Шестакова. 2017. “Использование компьютерного трехмерного моделирования в уголовном судопроизводстве Российской Федерации”. *Юридический вестник Самарского университета* 3: 99–106. <https://journals.ssau.ru/jjsu/article/view/5964>.
- Лазарева, Валентина А. 2018. “Российский следователь: судья или инквизитор?”. *Уголовное судопроизводство* 4: 6–11. <https://elibrary.ru/item.asp?id=35740665>. EDN: <https://elibrary.ru/vbmlqs>.
- Масленникова, Лариса Н. 2020. “Концептуальный подход к построению уголовного судопроизводства, обеспечивающего доступ к правосудию в условиях развития цифровых технологий”. *Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА)* 10: 52–65. <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2020.74.10.052-065>.

Пастухов, Павел С. 2018. “Электронный документооборот в уголовном процессе США”. *Правопорядок: история, теория, практика* 4 (19): 81–87. <https://cyberleninka.ru/article/n/elektronnyy-dokumentooorot-v-ugolovnom-protssesse-ssha/viewer>.

Поликарпов, Борис А. 2014. “Видеоконференцсвязь как современный способ преодоления противодействия уголовному преследованию”. *Уголовная юстиция* 1 (3): 91–93.

Сергеев, Максим С. 2018. *Правовое регулирование применения электронной информации и электронных носителей информации в уголовном судопроизводстве: отечественный и зарубежный опыт*: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург. https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_008707031.

Середнев, Владимир А. 2016. “Стадия возбуждения уголовного дела: рудимент или необходимость?”. *Российское право: образование, практика, наука* 4: 17–22. <https://cyberleninka.ru/article/n/stadiya-vozbuzhdeniya-ugolovnogo-dela-rudiment-ili-neobhodimost/viewer>.

Шестакова, Любовь А. 2022. “Опыт использования информационных технологий в уголовном судопроизводстве отдельных стран англо-саксонского права”. *Основы экономики, управления и права* 3 (34): 42–46. http://doi.org/10.51608/23058641_2022_3_42.

References

Garusov, Andrey V. 2016. “On some problems of assessing the testimony of persons interested in the outcome of the criminal case”. *Bulletin of Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia* 2 (70): 60–64. <https://elibrary.ru/item.asp?id=26684023>. EDN: <https://elibrary.ru/wlycvt>. (In Russian)

Grin, David S. 2020. “Theoretical and normative definition of videoconferencing in criminal proceedings”. *Legal Science* 3: 82–86. <https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskoe-i-normativnoe-opredelenie-videokonferentsyazi-v-ugolovnom-sudoproizvodstve?ysclid=ly77ode0l632490846>. (In Russian)

Ishchenko, Petr P. 2022. “Investigative Activities in the Conditions of Criminal Proceedings’ Digitalization”. *Siberian Criminal Procedure and Criminalistic Readings* 1: 30–42. DOI: <http://doi.org/10.17150/2411-6122.2022.1.30-42>. (In Russian)

Konygin, Ruslan A., Lyubov A. Shestakova. 2017. “Use of computer three-dimensional modeling in the criminal proceedings of the Russian Federation”. *Juridical Journal of Samara University* 3: 99–106. <https://journals.ssau.ru/jjsu/article/view/5964>. (In Russian)

Lazareva, Valentina A. 2018. “A Russian investigator: a judge or an inquisitor?” *Criminal Judicial Proceeding* 4: 6–11. <https://elibrary.ru/item.asp?id=35740665>. EDN: <https://elibrary.ru/vbmlqs>. (In Russian)

Maslennikova, Larisa N. 2020. “A conceptual approach to the construction of criminal proceedings that provide access to justice in the context of digital technologies development”. *Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)* 10: 52–65. <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2020.74.10.052-065>. (In Russian)

Pastukhov, Pavel S. 2018. “Electronic case files in criminal process of USA”. *LEGAL ORDER: History, Theory, Practice* 4 (19): 81–87. <https://cyberleninka.ru/article/n/elektronnyy-dokumentooorot-v-ugolovnom-protssesse-ssha/viewer>. (In Russian)

Polikarpov, Boris A. 2014. “Video conferencing as a modern way to overcome counteraction to criminal prosecutions”. *Criminal Justice* 1 (3): 91–93.

Sergeev, Maxim S. 2018. *Legal regulation of the use of electronic information and electronic media in criminal proceedings: domestic and foreign experience*: author’s abstract of Candidate’s of Legal Sciences thesis. Yekaterinburg. https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_008707031. (In Russian)

Serednev, Vladimir A. 2016. “The stage of initiating a criminal case: vestige or necessity?” *Russian Law: Education, Practice, Researches* 4: 17–22. <https://cyberleninka.ru/article/n/stadiya-vozbuzhdeniya-ugolovnogo-dela-rudiment-ili-neobhodimost/viewer>. (In Russian)

Shestakova, Lyubov A. 2022. “Use of information technologies in criminal proceedings of certain countries of Anglo-Saxon law”. *Economy, Governance and Law Basis* 3 (34): 42–46. http://doi.org/10.51608/23058641_2022_3_42. (In Russian)

Zavidov, Boris D., Nikolay P. Kuznetsov. 2004. “Problems of evidence and proving in criminal proceedings”. *Legal reference system “ConsultantPlus”*. (In Russian)

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

PRIVATE LEGAL (CIVIL) SCIENCES

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 34.03

Дата поступления: 13.02.2024
рецензирования: 16.03.2024
принятия: 20.06.2024

Ольга В. Грицай

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, г. Самара, Российская Федерация

Рубен А. Саканян

ООО «Самара Строй Дизайн», г. Самара, Российская Федерация

Актуальные вопросы обращения взыскания на доходы должника в исполнительном производстве

Аннотация: Федеральным законом «Об исполнительном производстве» установлено, что одной из мер принудительного исполнения является процедура обращения взыскания на доходы должника. Вместе с тем в законе нет легального понятия «доходы должника», не определяется порядок обращения взыскания на неденежные доходы, отсутствует определение «исполнительский иммунитет». Очевидно, что в этой части исполнительное законодательство нуждается в совершенствовании.

Ключевые слова: исполнительное производство; судебный пристав-исполнитель; должник; доходы должника; доходы, на которые взыскание не обращается.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Цитирование: Грицай, Ольга В., Рубен А. Саканян. 2024. «Актуальные вопросы обращения взыскания на доходы должника в исполнительном производстве». *Юридический аналитический журнал Juridical Analytical Journal* 19 (1): 26–31. <http://doi.org/10.18287/1810-4088-2024-19-1-26-31>.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

© *Ольга В. Грицай, Рубен А. Саканян, 2024*

Ольга Валентиновна Грицай, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского процессуального и предпринимательского права, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

e-mail: gritsayov@mail.ru

Рубен Арменович Саканян, юрисконсульт ООО «Самара Строй Дизайн», 443001, Российская Федерация, г. Самара, ул. Ленинская, 224, офис 3.

e-mail: sakanyan10@gmail.com

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 13.02.2024
Revised: 16.03.2024
Accepted: 20.06.2024

Olga V. Gritsai

Ruben A. Sakanyan

Samara National Research University, Samara, Russian Federation

“Samara Story Design” LLC, Samara, Russian Federation

Current issues of foreclosure on the debtor's income in enforcement proceedings

Abstract: The Federal Law “On Enforcement Proceedings” establishes that one of the measures of enforcement is the procedure for foreclosing on the debtor’s income. At the same time, there is no legal concept of debtor’s income in the law, the procedure for foreclosing on non-monetary income is not defined, there is no definition of “executive immunity”. It is obvious that in this part the executive legislation needs to be improved.

Key words: enforcement proceedings; bailiff; debtor; debtor’s income; income that is not foreclosed on.

Conflict of interest: authors declared is no conflict of interest.

Citation: Gritsai, Olga V., Ruben A. Sakanyan. 2024. “Current issues of foreclosure on the debtor’s income in enforcement proceedings”. *Iuridicheskii analiticheskii zhurnal Juridical Analytical Journal* 19 (1): 26–31. <http://doi.org/10.18287/1810-4088-2024-19-1-26-31>. (In Russian)

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

© Olga V. Gritsai, Ruben A. Sakanyan, 2024

Olga V. Gritsai, Candidate of Legal Sciences, associate professor, associate professor of the Department of Civil Procedure and Business Law, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

e-mail: gritsayov@mail.ru

Ruben A. Sakanyan, legal advisor, “Samara Stroy Design” LLC, office 3, 224, Leninskaya Street, Samara, 443001, Russian Federation

e-mail: sakanyan10@gmail.com

Введение

Одной из главных задач исполнительного производства является правильное и своевременное исполнение судебных актов, а также актов иных органов и должностных лиц, и реализуется данная задача в том числе и посредством применения установленных законодательством об исполнительном производстве правил обращения взыскания на заработную плату должника и иные доходы. Обращение взыскания на доходы должника является мерой принудительного исполнения, перечень которых установлен в статье 68 ФЗ «Об исполнительном производстве»¹.

Обращение взыскания на доходы должника в исполнительном производстве осуществляется в соответствии с общими нормами ФЗ «Об исполнительном производстве» с учетом особенностей, предусмотренных главой 11 указанного федерального закона. Вместе с тем ряд вопросов, возникающих в процессе обращения взыскания на доходы должника, остается неурегулированным. Так, ФЗ «Об исполнительном производстве» не содержит легального определения понятия «доходы должника», что затрудняет процедуру определения круга объектов взыскания. И, как следствие, отсутствие определения вынуждает искать подходы к определению «доход» в разных источниках.

¹ Федеральный закон от 02.10.2007 № 229-ФЗ “Об исполнительном производстве”. 2007. *Собрание законодательства Российской Федерации* 41. Ст. 4849.

Основное содержание

Гражданский кодекс Российской Федерации исходит из того, что доход представляет собой своего рода поступления, которые приносятся вещи, циркулируя в гражданском обороте². В данном случае, с одной стороны, примером могут выступать арендная плата или же, например, проценты по договору займа. Но, с другой стороны, доход считается вещью самостоятельной, и тогда не очень понятно, с чем связана привязка дохода к понятию поступления. Однако происходит это по объективным причинам, а именно это связано с тем, что доход привязан к доходоприносящей вещи и фактически, за редким исключением, неотделим от нее. Представляется, доход не является вещью в прямом ее понимании, это скорее право требования вещи.

В исполнительном производстве чаще всего доходом, выступающим как объект взыскания, является заработная плата должника. Легальное определение понятия «заработная плата» дается в статье 129 Трудового кодекса Российской Федерации и представляет собой вознаграждение за труд в зависимости от квалификации работника, сложности, количества, качества и условий выполняемой работы, а также компенсационные выплаты и стимулирующие выплаты³.

² Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ. 1994. *Собрание законодательства Российской Федерации* 32. Ст. 3301.

³ Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ. 2002. *Собрание законодательства Российской Федерации* 1 (ч. 1). Ст. 3.

Понятие «заработная плата» в том ключе, который предлагается ТК РФ, не в полной мере отражает все права работника и обязанности работодателя как сторон трудового правоотношения, в содержании которого заработная плата занимает не последнее место. Действительно, подобный подход к определению понятия заработная плата не в полной мере отражает все признаки, отличающие заработную плату от иного дохода и вознаграждений за труд по гражданско-правовым договорам. И на основании этого следует детализировать понятие «заработная плата», а именно обозначить, что это вознаграждение за выполненную работником по трудовому договору работу, которое работодатель обязан выплатить в соответствии с качеством и количеством затраченного труда в заранее определенных размерах и в сроки, установленные для выплаты заработной платы.

Таким образом, в условиях существующих коллизий представляется верным подход к практическому определению доходов для целей обращения взыскания методом исключения с учетом положений статьи 101 ФЗ «Об исполнительном производстве», в ней четко очерчен круг доходов, на которые не может быть обращено взыскание, и сделано это с целью защиты должника, получающего социальные выплаты. Перечень этих выплат в статье 101 ФЗ «Об исполнительном производстве» является закрытым, и, соответственно, не подлежит расширительному толкованию.

В соответствии с частью 1 статьи 98 ФЗ «Об исполнительном производстве» осуществление взыскания из заработной платы и иного вида дохода должника возможно всего лишь в трех случаях, а именно:

- 1) исполнение исполнительных документов, содержащих требования о взыскании периодических платежей;
- 2) взыскание суммы, не превышающей 10 000 рублей;
- 3) отсутствие или недостаточность у должника денежных средств и иного имущества для исполнения требований исполнительного документа в полном объеме.

В этой части представляется актуальным сформулировать определение «периодические платежи». В рамках исполнительного производства под ними подразумеваются все виды выплат, которые должник регулярно получает в течение определенного периода.

В кругу правоприменителей довольно часто озвучивается мысль о расширении положений статьи 98 ФЗ «Об исполнительном производ-

стве», в частности, предлагается расширить указанную норму для того, чтобы ее положения применялись и в том случае, когда обращение взыскания на имущество должника изначально не предпринималось, но поступления по заработной плате достаточны для погашения задолженности.

В связи с этим Минюст разработал поправки в исполнительное законодательство, которые предусматривают запрет на арест имущества должника по исполнительному документу с требованием о взыскании менее 30 тысяч рублей. Такое взыскание будет осуществляться строго за счет зарплаты и иных доходов должника либо денежных средств, находящихся на его счетах в банке или иной кредитной организации, в том числе в цифровых рублях. Исключения составят исполнительные документы по требованиям о возмещении вреда, причиненного здоровью, и в связи со смертью кормильца, о взыскании алиментов, о возмещении ущерба, причиненного преступлением, о компенсации морального вреда, по выплате выходных пособий и оплате труда лиц, работающих (работавших) по трудовому договору, а также по выплате вознаграждений авторам по результатам интеллектуальной деятельности.

Кроме этого, вводится двухмесячный срок принудительного исполнения таких документов, что позволит оптимизировать работу судебных приставов-исполнителей. По истечении этого срока при отсутствии денег на счетах исполнительное производство будет считаться оконченным. Законопроектом устанавливается принцип соразмерности исполнения судебных актов, актов других органов и должностных лиц. Это означает, что подлежащий взысканию долг должен быть соразмерен объему совершаемых судебными приставами исполнительных действий. Предусматривается, что закон вступит в силу с 1 января 2025 года.

Представляется, введение в исполнительное законодательство столь жесткой нормы приведет к увеличению окончанных без исполнения исполнительных производств с суммой взыскания менее 30 тысяч рублей, где должник не имеет официальной заработной платы или иных документально подтвержденных доходов, а также счетов в банковских организациях. Фактически деятельность пристава-исполнителя в этой ситуации будет сведена к установлению факта отсутствия дохода у должника и после этого к окончанию исполнительного производства в двухмесячный срок. А взыскатели по таким исполнительным производствам не

будут в равном положении со взыскателями с большей суммой взыскания, поскольку не получат должной защиты своих прав, гарантированных Конституцией РФ каждому субъекту правоотношения.

В соответствии со статьей 99 ФЗ «Об исполнительном производстве» размер удержаний из доходов должника по общему правилу составляет не более 50 %. При исполнении алиментные обязательства на несовершеннолетних детей, возмещение вреда, причиненного здоровью, возмещение вреда в связи со смертью кормильца, а также возмещение вреда, причиненного преступлением, размер удержания не может превышать 70 % от заработной платы и иного вида дохода.

С 1 февраля 2022 года вступили в силу нормы Федерального закона «Об исполнительном производстве», согласно которым при обращении взыскания на суммы ежемесячной заработной платы и иных доходов должник имеет право на сохранении дохода в размере прожиточного минимума⁴. Эта норма призвана обеспечить реализацию принципа неприкосновенности минимума имущества, необходимого для существования гражданина-должника и его иждивенцев (статья 4 ФЗ «Об исполнительном производстве»), и защиту их прав, поскольку сохраняет для должника и лиц, находящихся на его иждивении, необходимый уровень существования.

Для применения указанного иммунитета должник вправе обратиться к судебному приставу-исполнителю с соответствующим заявлением. Если взыскание по постановлению пристава-исполнителя осуществляется банком, то с соответствующим заявлением должник вправе обратиться в банк, который обязан освободить от взыскания денежные средства в размере прожиточного минимума по одному из счетов должника. При наличии лиц, находящихся на иждивении должника, он вправе обратиться в суд с заявлением о сохранении ему заработной платы и иных доходов ежемесячно на общую сумму не менее установленной величины прожиточного минимума самого должника, а также лиц, находящихся на его иждивении. Таким образом, законодателем расширен перечень объектов имущества должника, на которые устанавливается запрет взыскания.

Следует обратить внимание, что и ранее судебная практика достаточно последовательно занима-

ла позицию, направленную на большую защиту должников-пенсионеров с учетом гарантирования им минимального прожиточного минимума. Как указывал в связи с этим Конституционный Суд РФ, в случае, если пенсия является для должника-гражданина единственным источником существования, необходимость обеспечения баланса интересов кредитора и должника-гражданина требует защиты прав последнего путем сохранения для него и лиц, находящихся на его иждивении, необходимого уровня существования, с тем чтобы не оставить их за пределами социальной жизни⁵.

Тем не менее судебная практика знала и обратные примеры, когда при обращении взыскания на пенсионные выплаты, у должника в его распоряжении оставалась сумма, значительно меньшая, чем установленный прожиточный минимум, что тем не менее признавалось законным всеми судебными инстанциями⁶. Поэтому законодательное расширение исполнительского иммунитета в 2021 году представляется нам своевременным.

В связи с этим целесообразно проанализировать вопросы исполнительского иммунитета в исполнительном производстве. И в научной литературе, и в судебной практике высших судебных органов довольно широко используются словосочетания «исполнительский иммунитет» или «имущественный (исполнительский) иммунитет» (Нахова, Волков 2020, 162–175)⁷.

⁵ См., например: Постановление Конституционного Суда РФ от 12 июля 2007 г. № 10-П «По делу о проверке конституционности положения абзаца третьей части первой статьи 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан В.В. Безменова и Н.В. Калабуна». 2007. *Собрание законодательства РФ* 30. Ст. 3988; Определение Конституционного Суда РФ от 19.07.2016 № 1713-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Пичугиной Людмилы Павловны на нарушение ее конституционных прав абзацем восьмым части первой статьи 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации во взаимосвязи с положениями части 1 статьи 79, части 2 статьи 99 и части 1 статьи 101 Федерального закона «Об исполнительном производстве». *КонсультантПлюс*.

⁶ См., например: Определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда РФ от 21 февраля 2018 г. № 48-КГ17-22. *КонсультантПлюс*; Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 10.07.2023 № 71-КГ23-3-К3. *КонсультантПлюс*.

⁷ Постановление Конституционного Суда РФ от 12 июля 2007 г. № 10-П «По делу о проверке конституционности положения абзаца третьей части первой статьи 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан В.В. Безменова и Н.В. Калабуна». 2007. *Собрание законодательства РФ* 30. Ст. 3988; Обзор судебной практики разрешения судами споров, связанных с принудительным исполнением требований исполнительных документов банками и иными кредитными организациями (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 16.06. 2021 г.). *КонсультантПлюс*.

⁴ Федеральный закон от 21.02.2019 № 12-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об исполнительном производстве». 2019. *Собрание законодательства РФ* 8. Ст. 715.

В то же время в исполнительном законодательстве таких понятий не установлено.

Необходимость введения имущественного иммунитета в исполнительном производстве обусловлена стремлением законодателя путем предоставления гражданину-должнику имущественного (исполнительского) иммунитета сохранить ему и лицам, находящимся на его иждивении, условия, необходимые для достойного существования.

Такой подход подтверждается правовой позицией Конституционного Суда РФ, согласно которой общее предназначение данного правового института – «гарантировать указанным лицам условия, необходимые для их нормального существования...». Кроме того, Конституционный Суд РФ подчеркнул, что установленный законом запрет на обращение взыскания на определенный вид имущества граждан позволяет обеспечить необходимый баланс интересов как кредитора, так и должника, что, в свою очередь, обеспечивает осуществление их конституционных прав.

В юридической литературе предлагались различные основания и, соответственно, различные способы классификации имущественных иммунитетов. Представляет несомненный интерес в этом свете позиция В.В. Яркова, который различает абсолютные и относительные имущественные иммунитеты (Ярков 2003, 9–12.). Абсолютный иммунитет предполагает невозможность обращения взыскания независимо от каких бы то ни было обстоятельств. Относительный иммунитет допускает обращение взыскания на соответствующее имущество при некоторых точно установленных ограниченных основаниях.

По нашему мнению, данная классификация имеет важное значение, так как позволяет четко разграничить круг доходов, полностью освобожденных от взыскания, от тех доходов, на которые взыскание может быть обращено при определенных обстоятельствах.

Законодатель, уточнив, что заявление о сохранении доходов в отношении самого должника должно быть подано тому судебному приставу-исполнителю, который ведет исполнительное производство, не установил правило подсудности заявлений должника, имеющего иждивенцев. Думается, что обращение с заявлением о сохранении доходов, необходимых на содержание самого должника и его иждивенцев, должно осуществляться судом по месту осуществления взыскания по аналогии со статьей 434 ГПК РФ, устанавливающей возможность рассмотрения заявлений об отсроч-

ке, рассрочке, изменению способа и порядка исполнения, индексации присужденных сумм судом, вынесшим решение, и судом по месту исполнения судебного постановления. Кроме этого, было бы целесообразным дополнить статью 434 ГПК РФ соответствующим указанием.

Применительно к физическим лицам-должникам исчерпывающий перечень доходов, на которые взыскание не может быть обращено во всяком случае, содержится в статье 101 ФЗ «Об исполнительном производстве».

В общем виде к таковым относятся: различные виды выплат в возмещение вреда; разного рода компенсационные выплаты (например, за проезд, за приобретение лекарств); алименты и иные суммы, выплачиваемые на содержание детей; страховое обеспечение по обязательному социальному страхованию (за исключением пенсий по старости, инвалидности и некоторых других); пособия; средства материнского капитала; единовременная материальная помощь; отдельные социальные выплаты; денежные средства пострадавшим в результате чрезвычайной ситуации; денежные выплаты военнослужащим и приравненным к ним лицам и некоторые иные виды доходов, которые носят компенсационный или целевой характер.

При этом в соответствии с частью 2 статьи 101 ФЗ закона «Об исполнительном производстве» по алиментным обязательствам в отношении несовершеннолетних детей, а также по обязательствам о возмещении вреда в связи со смертью кормильца ограничения по обращению взыскания на выплаты в возмещение вреда здоровью, компенсационные выплаты из бюджетов различного уровня и денежные выплаты военнослужащим и приравненным к ним лицам (пункты 1, 4 и 21 части 1 статьи 101 ФЗ «Об исполнительном производстве») не применяются. Следует вновь проследить тенденцию, реализуемую законодателем в планомерном расширении имущественных иммунитетов должника. Так, в период 2019 и 2022 год в статью 101 ФЗ «Об исполнительном производстве» было внесено 5 новых пунктов, устанавливающих исполнительский иммунитет в отношении ряда выплат, причитающихся должнику⁸.

⁸ Федеральный закон от 21.02.2019 № 12-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об исполнительном производстве”». 2019. *Собрание законодательства РФ* 8. Ст. 715; Федеральный закон от 30.12.2021 № 444-ФЗ “О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации”. 2022. *Собрание законодательства РФ* 1 (Ч. I). Ст. 13; Федеральный закон от 14.07.2022 № 315-ФЗ “О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации”. 2022. *Собрание законодательства РФ* 29 (Ч. III). Ст. 5282.

Следует заметить, что исполнительное производство не ограничивается обращением взыскания на заработные платы и пенсии должников, устанавливая возможность обращения взыскания и на иные доходы должника (статья 98 ФЗ «Об исполнительном производстве»). Под иными доходами должника, думается, следует понимать денежные суммы, выплачиваемые по иным (помимо трудового договора) основаниям – договорам подряда, аренды, комиссии, авторским и др., а также доходы от инвестиционной деятельности, покупки акций, проценты по вкладам в банке (Валеев 2010, 203). Изложенные в главе 11 ФЗ «Об исполнительном производстве» правила обращения взыскания на заработную плату должника в полной мере применяются также и в случае обращения взыскания на иные виды его доходов, к примеру, стипендии, пенсии, вознаграждения за использование авторского права, права на открытие, изобретение, а также за рационализаторское предложение и промышленный образец.

Вместе с тем, как справедливо обращается внимание в научных источниках, в отличие от законодательства целого ряда иных стран, российское законодательство никак не регулирует порядок и способы обращения взыскания на

доход должника, если он выражен не в денежной форме, а, например, в товаре или урожае. В таких случаях пристав вообще не имеет ни соответствующих правовых механизмов изъятия неденежной части доходов, ни установленных законом полномочий в этой связи. Между тем очевидно, что в некоторых случаях, например в рамках крестьянского (фермерского) хозяйства, неденежные доходы могут иметь значительный удельный вес в имущественном положении гражданина-должника. Таким образом, следует признать, что существует реальная необходимость восполнения этой лакуны законодательства с целью установления порядка взыскания в отношении доходов должника в неденежной форме.

Выводы

Таким образом процедура обращения взыскания на заработную плату и иные доходы должника нуждается в дальнейшем совершенствовании, но не все законодательные инициативы вызывают одобрение, поскольку при их принятии «с водой можно выплеснуть и ребенка», то есть установленные законом цели исполнительного производства при реализации таких инициатив могут быть подвергнуты сомнению.

Библиография

Валеев, Дамир Х. 2010. *Исполнительное производство*. 2-е изд., перераб. и доп. Санкт-Петербург: Питер. https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_004411209/.

Нахова, Елена А., Дмитрий В. Волков. 2020. “Проблемы имущественных (исполнительских) иммунитетов в отношении принадлежащего гражданину-должнику на праве собственности жилого помещения и земельного участка”. *Ленинградский юридический журнал* 2 (60): 162–175. <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-imuschestvennyh-ispolnitelskih-immunitetov-v-otnoshenii-prinadlezhazhchego-grazhdaninu-dolzhniku-na-prave-sobstvennosti/viewer>.

Ярков, Владимир В. 2003. “Имущественные иммунитеты от взыскания в предпринимательских отношениях”. *Арбитражный и гражданский процесс* 10: 9–12. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=16923994>. EDN: <https://www.elibrary.ru/ogjayl>.

References

Nakhova, Elena A., Dmitrii V. Volkov. 2020. “The problems of property (executive) immunities in respect of the residential premises and land plot belonging to the debtor citizen on the right of ownership”. *Leningrad Legal Journal* 2 (60): 162–175. <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-imuschestvennyh-ispolnitelskih-immunitetov-v-otnoshenii-prinadlezhazhchego-grazhdaninu-dolzhniku-na-prave-sobstvennosti/viewer>. (In Russian)

Valeev, Damir Kh. 2010. *Enforcement proceedings*. 2nd edition, revised and enlarged. Saint Petersburg: Piter. https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_004411209/. (In Russian)

Yarkov, Vladimir V. 2003. “Property immunities from foreclosure in business relations”. *Arbitrazh and Civil Procedure* 10: 9–12. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=16923994>. EDN: <https://www.elibrary.ru/ogjayl>. (In Russian)

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

PUBLIC LEGAL (STATE LEGAL) SCIENCES

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

Дата поступления: 28.03.2024
рецензирования: 29.04.2024
принятия: 20.06.2024

Сергей А. Осетров

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, г. Самара, Российская Федерация

Фиктивность и недействительность трудового договора: практика – есть, закона – нет

Аннотация: Развитие отрасли трудового законодательства в Российской Федерации по ряду направлений выглядит довольно консервативным, что обусловлено высокой «социальной чувствительностью» соответствующей отрасли законодательства, в особенности в тех сферах, которые могут негативным образом отразиться на стороне работника. Видимо, по этой причине до настоящего времени законодателем не была предложена проработанная юридическая конструкция признания трудового договора фиктивным или недействительным. В то же время потребности правоприменения, находящие свое отражение в судебной практике, показывают, что в данной сфере накапливается определенная совокупность правовых споров, в рамках которых признание фиктивным или недействительным трудового договора выглядит вполне разумным способом разрешения правовых конфликтов. В рамках настоящей статьи автор ставит своей задачей продолжение дискуссии теоретиков и практиков относительно перспектив легализации института фиктивности и недействительности трудовых договоров.

Ключевые слова: трудовой договор; фиктивное трудоустройство; недействительность трудового договора; последствия недействительности трудовых договоров.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Цитирование: Осетров, Сергей А. 2024. «Фиктивность и недействительность трудового договора: практика – есть, закона – нет». *Юридический аналитический журнал Juridical Analytical Journal* 19 (1): 32–38. <http://doi.org/10.18287/1810-4088-2024-19-1-32-38>.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

© Сергей А. Осетров, 2024

Сергей Анатольевич Осетров, кандидат юридических наук, доцент кафедры государственного и административного права, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

e-mail: sergey-lupus@mail.ru

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 28.03.2024
Revised: 29.04.2024
Accepted: 20.06.2024

Sergey A. Osetrov

Samara National Research University, Samara, Russian Federation

Fictitiousness and invalidity of employment contract: there is judicial practice, there is no law

Abstract: Development of the branch of labor legislation in the Russian Federation in a number of areas looks quite conservative, due to the high «social sensitivity» of the relevant branch of legislation, especially in those areas that may negatively affect the employee's side. Apparently, for this reason, to date, the legislator

has not proposed a well-developed legal structure for recognizing an employment contract as fictitious or invalid. At the same time, the needs of law enforcement reflected in judicial practice show that a certain set of legal disputes is accumulating in this area, in which recognition of a fictitious or invalid employment contract looks like a completely reasonable way to resolve legal conflicts. Within the framework of this article, the author aims to continue the discussion of theorists and practitioners regarding the prospects for legalizing the institution of fictitiousness and invalidity of labor dogmas.

Key words: legal contract; fictitious employment; sham employment contract; consequences of the sham employment contract.

Conflict of interest: the author declared is no conflict of interest.

Citation: Osetrov, Sergey A. 2024. “Fictitiousness and invalidity of employment contract: there is judicial practice, there is no law”. *Iuridicheskii analiticheskii zhurnal Juridical Analytical Journal* 19 (1): 32–38. <http://doi.org/10.18287/1810-4088-2024-19-1-32-38>. (In Russian)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

© *Sergey A. Osetrov, 2024*

Sergey A. Osetrov, Candidate of Legal Sciences, associate professor of the Department of State and Administrative Law, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation

e-mail: serghey-lupus@mail.ru

Введение

Представленная статья является продолжением ранее опубликованного материала относительно складывающихся теоретических и практических подходов к институту признания трудового договора фиктивным или недействительным (Осетров 2016, 58–62).

Необходимо отметить, что до настоящего времени положения Трудового кодекса Российской Федерации институтов фиктивности и недействительности трудового договора не предусматривают¹. Трудовым кодексом Российской Федерации закреплена лишь возможность признания недействительными условий коллективного договора, соглашения, ухудшающих положения работников (статья 50). При этом даже в указанном случае положения трудового законодательства не ставят «под сомнение» действительность коллективного договора или соглашения в целом, речь идет исключительно об отдельных условиях.

Фиктивность трудового договора

Несмотря на отсутствие в трудовом законодательстве понятия фиктивности и недействительности трудовых договоров, указанные термины все же встречаются во вполне официальных актах правоприменительных органов. Так, в частности, приказом Роструда от 11.11.2022 № 253 «Об утверждении Руководства по соблюдению обязательных

требований трудового законодательства»² (далее – Руководство по соблюдению обязательных требований) предусмотрено, что даже в случае представления работником подложных документов работодателю для заключения трудового договора впоследствии трудовой договор с таким работником именно расторгается по правилам трудового законодательства, он не подлежит признанию фиктивным, ничтожным или аннулированным. В данном случае понятен контекст, в рамках которого должностные лица Роструда рассматривают соответствующую ситуацию. Предполагается, что трудовые права работника должны быть защищены даже в условиях заключения трудового договора без должных правовых оснований. Все иные последствия, связанные с осуществлением трудовой деятельности лицом в нарушение действующего законодательства, остаются вне поля зрения уполномоченных органов.

Термин фиктивное трудоустройство и (или) фиктивный трудовой договор вполне укоренился и в уголовном праве, и антикоррупционном законодательстве. В Методических рекомендациях должностным лицам подразделений по профилактике коррупционных и иных правонарушений в Вооруженных силах Российской Федерации, утвержденных статс-секретарем заместителя Министра обороны Российской

¹ Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ. 2002. *Собрание законодательства Российской Федерации* 1 (ч. 1). Ст. 3.

² Приказ Роструда от 11.11.2022 № 253 «Об утверждении Руководства по соблюдению обязательных требований трудового законодательства». Дата обращения: 01.03.2024. <https://rostrud.gov.ru/rostrud/deyatelnost/?ID=1139697>.

Федерации от 09.01.2019, определено, что к завуалированным формам взятки может быть отнесено заключение фиктивных трудовых договоров с выплатой зарплаты взяточнику, его родственникам или друзьям. Впрочем, использование подобной терминологии имело место и ранее. Так, еще в Постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 11.07.1972 № 4 «О судебной практике по делам о хищениях государственного и общественного имущества» было указано, что заведомо фиктивные трудовые соглашения или иные договоры, заключенные без намерения по их выполнению, представляют собой разновидность хищения (пункт 8)³.

Судебные органы также довольно активно используют формулу «фиктивного трудового договора». Так, в постановлении Третьего арбитражного апелляционного суда от 14.02.2023 по делу № А33-16382/2022⁴ суд отказал в требовании работодателя о признании недействительным решения территориального органа внебюджетного фонда о непринятии к зачету расходов работодателя на выплату страхового обеспечения по обязательному социальному страхованию в связи с установлением факта фиктивности трудоустройства работника. В своих выводах суд основывался на том, что заявитель не доказал наличия реальных трудовых отношений, что требует не только заключенного трудового договора, но и фактов его реального исполнения. Помимо этого, Третий арбитражный апелляционный суд в вышеуказанном решении сослался на Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 19.07.2011 № 282/11⁵, в котором Высший Арбитражный Суд Российской Федерации применительно к рассмотрению вопросов о выделении средств Фонда социального страхования для возмещения расходов работодателя на выплату пособия по беременности и родам придерживается позиции, что подобная выплата производится после установления факта реального трудоустройства работника и исполнения им трудовых обязанностей.

Таким образом, в судебной практике сформированы определенные подходы к иденти-

кации трудовых договоров в качестве реальных и фиктивных и даже определены соответствующие признаки фиктивности и реальности трудовых отношений. Правда, стоит подчеркнуть, что подобная «маркировка» трудовых договоров актуальна не для трудовых отношений непосредственно, а скорее для сопутствующих правоотношений, в частности в сфере социального страхования.

Так, на основе анализа судебной практики можно выделить следующие признаки реального трудоустройства:

- наличие заключенного трудового договора;
- фактическое выполнение работником трудовой функции, предусмотренной трудовым договором;
- наличие объективной возможности и способности личного выполнения соответствующей трудовой функции (образование, стаж работы и проч.).

Исходя из этого, можно сделать вывод, что под фиктивностью трудового договора понимается заключение трудового договора прежде всего без намерения его фактического исполнения. Чаще всего подобные действия сопряжены с хищением средств работодателя или иными противоправными действиями сторон трудового договора. В наиболее общем виде фиктивность трудового договора напоминает институт ничтожности сделки в гражданском праве. Однако, в отличие от признания сделки ничтожной с применением последствий недействительности такой сделки, реализация подобного механизма в отношении фиктивного трудового договора невозможна, а в силу этого заинтересованным лицам, права которых нарушены в результате фиктивного трудоустройства, приходится искать самостоятельные формы защиты права в рамках смежных правоотношений, складывающихся на основе фиктивного трудового договора. Это касается в первую очередь налоговых правоотношений и правоотношений в сфере социального страхования. Помимо этого, в рассматриваемом случае стоит отдельно выделить следующий важный уголовно-правовой аспект фиктивного трудоустройства – определение размера хищения, если заключение фиктивного трудового договора имело своей целью неправомерное получение средств работодателя.

Отметим, что подобный вопрос, вероятно, возникал в судебной практике столь часто, что даже стал предметом оценки со стороны Конституционного Суда Российской Федерации (Постановление Конституционного Суда Рос-

³ Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 11.07.1972 № 4 «О судебной практике по делам о хищениях государственного и общественного имущества». Дата обращения: 01.03.2024. *КонсультантПлюс*.

⁴ Постановление Третьего арбитражного апелляционного суда от 14.02.2023 по делу № А33-16382/2022. Дата обращения: 01.03.2024. <https://kurl.ru/ibdfj>.

⁵ Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 19.07.2011 № 282/11. Дата обращения: 01.03.2024. https://arbitr.ru/materials/38625?path=%2Farxiv%2Fpost_pres%2F.

сийской Федерации от 08.12.2022 № 53-П⁶). В результате рассмотрения указанного дела орган конституционного контроля пришел к выводу, что в силу противоречивой судебной практики, не согласующейся с принципами юридического равенства и правовой определенности, до изменения действующего законодательства следует исключить возможность включения в размер хищения суммы налога на доходы, удерживаемой налоговым агентом при выплате заработной платы.

В то же время при начислении заработной платы работодатель также осуществляет начисление и уплату соответствующих страховых взносов во внебюджетные фонды. Каким образом действовать при установлении фиктивности трудовых отношений в рассматриваемой плоскости?

Не стоит забывать о том, что работодатели несут ответственность за достоверность сведений, предоставляемых в государственные внебюджетные фонды, на основании которых в дальнейшем формируются, в частности, пенсионные права граждан. Так, в соответствии с частью 1 статьи 28 Федерального закона «О страховых пенсиях»⁷ физические и юридические лица несут ответственность за достоверность сведений, содержащихся в документах, представляемых ими для установления и выплаты страховой пенсии, фиксированной выплаты к страховой пенсии, а работодатели, кроме того, – за достоверность сведений, представляемых для ведения индивидуального (персонифицированного) учета в системах обязательного пенсионного страхования и обязательного социального страхования. При этом если работодатель своевременно не направит в органы Пенсионного фонда сведения об отмене начислений в отношении работников, трудовые договоры которых носят фиктивный характер, то в дальнейшем к работодателю могут быть применены соответствующие санкции (часть 2 статьи 28 указанного Федерального закона).

Таким образом, заинтересованные лица, права которых могут быть нарушены в результате фиктивного трудоустройства, вынуждены принимать меры по взысканию соответствующих средств, выплаченных в пользу внебюджетных фондов, хотя, как показывает личная практика защиты интересов работодателя, внебюджет-

ные фонды в таких ситуациях не демонстрируют конструктивной позиции. Так, решением Арбитражного суда Самарской области от 26.11.2019 по делу № А55-6178/2019⁸ в принудительном порядке с одного из внебюджетных фондов были взысканы перечисленные страховые взносы, основанием для начисления которых выступил фиктивный трудовой договор. Исходя из этого, можно сделать косвенный вывод, что жестких внутренних регламентов действий в подобных ситуациях у внебюджетных фондов нет, что представляется определенным упущением.

Недействительность трудового договора

Наряду с фиктивностью трудового договора в правоприменительной практике также все чаще возникает вопрос о возможности признания трудового договора или отдельных его положений недействительными. При этом складывающаяся система правоприменения характеризуется амбивалентностью.

С одной стороны, существует общее правило о неприменимости цивилистического института недействительности сделок к трудовым договорам (см.: определение Верховного Суда Российской Федерации от 14.12.2012 № 5КГ12-61⁹). В основе данной позиции то обстоятельство, что, применение института недействительности сделок к трудовым договорам не имеет должного материально-правового обоснования, а также то, что к трудовым отношениям нельзя применить последствия недействительности, реализуемые в рамках гражданского законодательства и заключающиеся в двусторонней реституции.

С другой стороны, из данного правила имеется немало исключений.

Начнем с того, что в Трудовом кодексе Российской Федерации закреплена определенная юридическая инструментальность, позволяющая лишить юридической силы отдельные условия трудовых договоров. Так, частью 2 статьи 9 Трудового кодекса России определяется, что трудовые договоры не могут содержать условия, ограничивающие права или снижающие уровень гарантий работников по сравнению с установленными трудовым законодательством. Если же такие условия включены в трудовой договор, то они не подлежат применению. Пред-

⁶ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 08.12.2022 № 53-П. Дата обращения: 01.03.2024. <https://kurl.ru/jFSYb>.

⁷ Федеральный закон “О страховых пенсиях” от 28.12.2013 № 400-ФЗ. 2013. *Собрание законодательства РФ* 52 (Ч. 1). Ст. 6965.

⁸ Решение Арбитражного суда Самарской области от 26.11.2019 по делу № А55-6178/2019. Дата обращения: 01.03.2024. <https://kurl.ru/vzxve>.

⁹ Определение Верховного Суда Российской Федерации от 14.12.2012 № 5КГ12-61. Дата обращения: 01.03.2024. <https://kurl.ru/pnOEF>.

ставленная норма о неприменении положений трудового договора носит довольно узкий характер, она ограничена возможностью оценки соответствия условий трудового договора только нормам трудового законодательства, да и то исключительно в материальной части и в пользу только одной стороны трудового правоотношения – работника, хотя судебная практика нередко отклоняется от подобного императива и расширяет перечень оснований неприменения тех или иных положений трудовых договоров.

Так, в определении Верховного Суда Российской Федерации от 08.04.2019 № 81-КГ18-27¹⁰ сформулирована правовая позиция о том, что признание недействительности условий трудового договора с точки зрения материального права невозможно, однако это не препятствует суду при рассмотрении исков о взыскании выплат в связи с прекращением трудового договора проверить соблюдение требований законодательства при включении в трудовой договор условий о таких выплатах. При обнаружении фактов противоправности включения в трудовой договор условий о соответствующих выплатах суд вправе отказать в удовлетворении соответствующего иска.

Таким образом, не обеспечивая правовой защитой условия трудовых договоров, нарушающие различные положения действующего законодательства (не только трудового), суд, по сути, признает соответствующие условия «квази-недействительными».

Схожая ситуация сложилась и в Самарской области с признанием недействительными отдельных пунктов трудовых договоров с помощниками депутатов Государственной Думы. Часть помощников депутатов Государственной Думы осуществляют свою деятельность на основании трудовых договоров, а рабочее место данным лицам предоставляется законодательным органом или исполнительным органом соответствующего субъекта Российской Федерации, а в определенных случаях – органом местного самоуправления (статья 37 Федерального закона «О статусе сенатора Российской Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации»¹¹). Суды в рамках рассмотрения

искового заявления Самарской Губернской Думы признали недействительными пункты трудовых договоров, определяющие место нахождения рабочих мест помощников депутатов в здании, в котором расположена Самарская губернская дума (определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 13.04.2023 по делу № 88-9305/2023¹²).

Интересная позиция ранее была обозначена Высшим Арбитражным Судом Российской Федерации, который предложил при квалификации сделки в качестве крупной или с заинтересованностью применять данные параметры и в отношении заключаемых трудовых договоров с работниками организации (постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 16.05.2014 № 28¹³). При этом Пленумом Высшего Арбитражного Суда отмечается, что при решении вопроса о том, нарушает ли интересы юридического лица заключение конкретного трудового договора, следует оценивать, насколько условия такого трудового договора отличались от обычных условий трудовых договоров, заключаемых со специалистами аналогичной квалификации. Правда, в соответствующем постановлении Пленума не изложены правовые последствия признания трудового договора недействительным. В этой связи при применении соответствующих положений постановления Пленума арбитражному суду пришлось наряду с признанием трудового договора недействительным указать на соответствующие последствия недействительности, отметив, что работник должен вернуть работодателю полученные по соответствующей сделке в счет заработной платы денежные средства, а работодатель, в свою очередь, должен выплатить работнику справедливое вознаграждение за выполнение им определенных трудовых функций (постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 06.06.2019 по делу № А41-76023/18¹⁴).

Приведенный пример не единственный случай признания недействительным трудового договора. Похожим образом ситуация складывается и в сфере признания недействительными сделок в рамках процедуры банкротства.

¹⁰ Определение Верховного Суда Российской Федерации от 08.04.2019 № 81-КГ18-27. Дата обращения: 01.03.2024. <https://kurl.ru/hHjsx>.

¹¹ Федеральный закон «О статусе сенатора Российской Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» от 08.05.1994 № 3-ФЗ. 1994. *Собрание законодательства Российской Федерации* 2. Ст. 74.

¹² Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 13.04.2023 по делу № 88-9305/2023. Дата обращения: 01.03.2024. <https://kurl.ru/ETxtx>.

¹³ Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 16.05.2014 № 28. Дата обращения: 01.03.2024. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163615.

¹⁴ Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 06.06.2019 по делу № А41-76023/18. Дата обращения: 01.03.2024. <https://kurl.ru/YSvWH>.

Так, пунктом 1 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 23.12.2010 № 63¹⁵ разъяснено, что в силу пункта 3 статьи 61.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)»¹⁶ под сделками, которые могут оспариваться по правилам главы III.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» понимаются в том числе действия, направленные на исполнение обязательств и обязанностей, возникающих в соответствии с трудовым законодательством (Определение Верховного Суда Российской Федерации от 30.04.2021 № 301-ЭС21-398(2) по делу № А29-1825/2019¹⁷).

С учетом вышеизложенного можно констатировать, что, несмотря на отсутствие в трудовом законодательстве института фиктивности и недействительности трудового договора, это не останавливает судебные органы в принятии решений о недействительности трудовых договоров в целом или их отдельных условий, включая применение последствий недействительности. Сложившееся положение вещей довольно противоречиво и, вероятно, складывается под влиянием следующих обстоятельств.

Что касается препятствий к легализации института фиктивности и недействительности трудовых договоров, то к их числу можно отнести сложность и непредсказуемость последствий внедрения данного института с точки зрения защиты прав и интересов работников. Кроме того, существует теоретическая потребность в сохранении существующего отграничения отраслей гражданского и трудового права, на что неоднократно обращалось внимание в решениях Верховного Суда Российской Федерации.

Еще одним объективным препятствием к легализации выступает и отсутствие стройной конструкции применения последствий недействительности к трудовым договорам. Опасения теоретиков и практиков вызывает то, что соответствующие последствия, заключающиеся в двусторонней реституции, неприменимы к трудовым отношениям в полной мере. Последствия недействительности сделок определены

статьей 167 Гражданского кодекса Российской Федерации¹⁸ и заключаются в том, что недействительная сделка не влечет юридических последствий, за исключением тех, которые связаны с ее недействительностью. Вместе с тем текущая редакция статьи 167 Гражданского кодекса Российской Федерации содержит весьма богатый инструментарий действий суда при признании сделок недействительными, не ограничивающийся двусторонней реституцией, в связи с чем подобный подход может быть применен и в трудовом законодательстве с определенными особенностями. Так, Д.В. Агашев вполне убедительно обосновывает, что модель прекращения сделки на будущее (часть 3 статьи 167 Гражданского кодекса Российской Федерации) может быть весьма продуктивной для применения в трудовом законодательстве для случаев признания трудовых договоров недействительными (Агашев 2023, 245–259).

Другой объективной сложностью внедрения института недействительности трудового договора выступает и то, что признание трудового договора фиктивным или недействительным затрагивает целый комплекс правоотношений. Во-первых, это, собственно, сами трудовые отношения. Во-вторых, это налоговые правоотношения, складывающиеся при удержании налога на доходы физических лиц. В-третьих, это правоотношения в сфере социального страхования, что связано с начислением и уплатой страховых взносов. В-четвертых, это гражданские правоотношения, которые могут складываться из того, что работник по трудовому договору может одновременно вступать в гражданско-правовые отношения от имени юридического лица. Это касается ситуации замещения работником должности руководителя организации или наделения его правом действовать от имени юридического лица по доверенности (Лаптев, Чуча 2023, 285–310). В таких случаях признание недействительным или фиктивным трудового договора может поставить серьезный вопрос и о последствиях совершения работником соответствующих сделок. На это обращено внимание и в судебной практике. Пунктом 2 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 02.06.2015 № 21 определено, что трудовая функция руководителя организации состоит в осуществлении руководства организацией, в том числе выполнении функций ее единоличного исполнительного органа, то есть в совер-

¹⁵ Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 23.12.2010 № 63. Дата обращения: 01.03.2024. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_109923.

¹⁶ Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» от 26.10.2002 № 127-ФЗ. 2002. *Собрание законодательства Российской Федерации* 43. Ст. 4190.

¹⁷ Определение Верховного Суда Российской Федерации от 30.04.2021 № 301-ЭС21-398(2) по делу № А29-1825/2019. Дата обращения: 01.03.2024. <https://kurl.ru/DuWAP>.

¹⁸ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ. 1994. *Собрание законодательства Российской Федерации* 32. Ст. 3301.

шении от имени организации действий по реализации ее прав и обязанностей, возникающих из гражданских, трудовых, налоговых и иных правоотношений (полномочий собственника по владению, пользованию и распоряжению имуществом организации, правообладателя исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации, прав и обязанностей работодателя в трудовых отношениях с другими работниками организации и т. д.).

Одновременно с этим судебная практика показывает, что признание трудовых договоров фиктивными и недействительными выступает важной формой защиты нарушенных прав

граждан и организаций. В этом контексте при отсутствии других юридических инструментов суды вынуждены принимать подобного рода решения, основываясь на правах и законных интересах лиц, права которых нарушены.

Подводя некоторые промежуточные итоги, можно высказать предположение, что полноценная легализация института фиктивности и недействительности трудового договора вряд ли произойдет в ближайшее время. В таких условиях было бы разумно на уровне Верховного Суда Российской Федерации обобщить судебную практику и дать судам разъяснения в целях обеспечения единообразия судебной практики.

Библиография

Агашев, Дмитрий В. 2023. “Недействительность трудового договора и признание трудового договора недействующим как перспективные способы защиты трудовых прав”. *Ежегодник трудового права* 13: 245–260. <https://doi.org/10.21638/spbu32.2023.117>.

Лаптев, Василий А., Сергей Ю. Чуча. 2023. “Руководитель организации и орган юридического лица: единство сущности и противоречия”. *Вестник Пермского университета. Юридические науки* 2 (60): 285–311. <http://doi.org/10.17072/1995-4190-2023-60-285-311>.

Осетров, Сергей А. 2016. “Фиктивный трудовой договор: правовые последствия”. *Юридический вестник Самарского университета* 2 (1): 58–62. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=28930768>, <https://www.elibrary.ru/yjcjyl>.

References

Agashev, Dmitry V. 2023. “Invalidity of the employment contract and recognition of the employment contract as not valid as a promising way to protect labour rights”. *Russian Journal of Labour & Law* 13: 245–260. <https://doi.org/10.21638/spbu32.2023.117>. (In Russian)

Laptev, Vasilii A., Chucha, Sergey Yu. 2023. “The Head of an Organization and the Body of a Legal Entity: the Unity of Essence and Contradictions”. *Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki = Perm University Herald. Juridical Sciences* 2 (60): 285–311. <http://doi.org/10.17072/1995-4190-2023-60-285-311>. (In Russian)

Osetrov, Sergey A. 2016. “Sham employment contract: legal consequences”. *Juridical Journal of Samara University* 2 (1): 58–62. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=28930768>, <https://www.elibrary.ru/yjcjyl>. (In Russian)

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 342.7

Дата поступления: 13.02.2024

рецензирования: 16.03.2024

принятия: 20.06.2024

Владислава Э. Мамедова

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, г. Самара, Российская Федерация; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация

Риск-ориентированный подход как методологическая основа публично-правового регулирования гарантий защиты персонифицированной медицинской информации

Аннотация: Статья посвящена проблемам обеспечения эффективного функционирования режима защиты персонифицированной медицинской информации пациентов в контексте развития и внедрения информационных технологий в медицинскую деятельность. В качестве теоретической основы автор использовал концепт «врачебная тайна», посредством формально-юридического метода научного познания установил соотношение и взаимосвязь указанного концепта с понятиями «персонифицированный учет», «персонифицированная медицинская информация» и сделал вывод о необходимости распространения режима защиты врачебной тайны на все данные, подлежащие персонифицированному медицинскому учету. Отметил, что наряду с преимуществами, возникающими при применении информационных технологий субъекты медицинских правоотношений сталкиваются с новыми рисками. На основании использования методов анализа, синтеза и классификации выделил три основных риска: неправомерный доступ к персонифицированной медицинской информации; ее незаконное использование и распространение; искажение объективной персонифицированной медицинской информации. При этом сделал вывод, что указанные риски обусловлены как человеческим, так и техническим факторами. Чрезмерное вмешательство в медицинские правоотношения может негативно сказаться на развитии указанной отрасли, что обуславливает необходимость разработки такой методологической основы к правовому регулированию, которая бы позволяла точно, но при этом системно нивелировать риски нарушения информационных прав граждан в рамках медицинской деятельности. В качестве такой основы автор предлагает использовать риск-ориентированный подход, основанный на приоритизации рисков. Используя указанный подход, автор провел ранжирование рисков и представил программу возможного правового регулирования исследуемой сферы, направленную на их последовательное предотвращение.

Ключевые слова: информационные права; информационные технологии; информационная система; медицинская помощь; защита персональных данных; личная тайна; врачебная тайна; персонифицированная медицинская информация; персонифицированный медицинский учет.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках научного проекта «Концептуализация системы гарантий защиты персонифицированной информации человека при проведении медицинской диагностики и исследований» № 24-28-00794.

Цитирование: Мамедова, Владислава Э. 2024. «Риск-ориентированный подход как методологическая основа публично-правового регулирования гарантий защиты персонифицированной медицинской информации». *Юридический аналитический журнал Juridical Analytical Journal* 19 (1): 39–46. <http://doi.org/10.18287/1810-4088-2024-19-1-39-46>.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

© Владислава Э. Мамедова, 2024

Владислава Эдуардовна Мамедова, кандидат юридических наук, доцент, кафедра государственного и административного права, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34; старший научный сотрудник, отдел конституционного права, Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 117218, Российская Федерация, г. Москва, ул. Б. Черемушкинская, 34.

e-mail: vladislava0804@mail.ru

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 13.02.2024
Revised: 16.03.2024
Accepted: 20.06.2024

Vladislava E. Mamedova Samara National Research University, Samara, Russian Federation;
The Institute of Legislation and Comparative Law under the Government
of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Risk-based approach as a methodological basis for public legal regulation of guarantees for the protection of personalized medical information

Abstract: The article deals with the problems of ensuring the effective functioning of the regime for protecting personalized medical information of patients in the context of the development and implementation of information technologies in medical activities. As a theoretical basis, the author used the concept of “medical confidentiality”, through the formal legal method of scientific knowledge, established the relationship and interconnection of this concept with the concepts of “personalized accounting”, “personalized medical information” and concluded that it is necessary to extend the regime of protection of medical confidentiality to all data, subject to personalized medical registration. The author notes that along with the advantages arising from the use of information technologies, subjects of medical legal relations face new risks. Based on the use of methods of analysis, synthesis and classification, the author identified three main risks: unauthorized access to personalized medical information; its illegal use and distribution; distortion of objective personalized medical information. It was concluded that these risks are caused by both human and technical factors. The author points out that excessive interference in medical legal relations can negatively affect the development of this industry, which necessitates the development of a methodological basis for legal regulation that would allow targeted, but at the same time systematically leveling the risks of violation of the information rights of citizens within the framework of medical activities. As such a basis, the author proposes to use a risk-oriented approach based on risk prioritization. Using this approach, the author ranked the risks and presented a program for possible legal regulation of the area under study, aimed at their consistent prevention.

Key words: information rights; information technology; information system; health care; protection of personal information; personal secret; medical secrecy; personalized medical information; personalized medical records.

Conflicts of interest: the author declared is no conflict of interest.

Acknowledgement: The study was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation within the framework of the scientific project «Conceptualization of the system of guarantees for the protection of personalized human information during medical diagnostics and research» № 24-28-00794.

Citation: Mamedova, Vladislava E. “Risk-based approach as a methodological basis for public legal regulation of guarantees for the protection of personalized medical information”. *Juridicheskii analiticheskii zhurnal Juridical Analytical Journal* 19 (1): 39–46. <http://doi.org/10.18287/1810-4088-2024-19-1-39-46>. (In Russian)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

© Vladislava E. Mamedova, 2024

Vladislava E. Mamedova, Candidate of Legal Sciences, associate professor, Department of State and Administrative Law, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation; scientific employee of the Department of Constitutional Law, The Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, 34, B. Chermushkinskaya Street, Moscow, 117218, Russian Federation.

e-mail: vladislava0804@mail.ru

Введение

Масштабное внедрение электронного документооборота, информационных баз и систем является во многом неизбежным и необходимым этапом развития системы здравоохранения не только в Российской Федерации, но и во всем мире. Очевидно, что

такие технологии оптимизируют процессы при предоставлении медицинской помощи и способствуют эффективному использованию ресурсов.

В то же время широкое распространение информационных технологий в медицине ставит человечество перед многими вызовами и риска-

ми, которые в целом можно подразделить на две группы, связанные:

1) с необходимостью обеспечения должного качества медицинской помощи, оказываемой с использованием информационных технологий;

2) с обязательностью соблюдения высоких требований к защите персонифицированной медицинской информации.

В предмет настоящей статьи входят риски, включенные во вторую группу. Развитие медицины, биологии и информационных технологий приводит к появлению новых видов информации, например генетической, биометрической, персонифицированной медицинской и т. д. (Волков 2022, 69; Крюкова, Инюшкин 2023, 29–34; Инюшкин 2023, 28–31). Использование такой информации без согласия ее субъекта может привести к нарушению прав гражданина в широком спектре правоотношений: миграционных, страховых, банковских и других. В этой связи защите всех видов медицинской информации должно уделяться пристальное внимание ученых-юристов.

К вопросу о соотношении понятий «врачебная тайна» и «персонифицированная медицинская информация»

Статья 92 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»¹ (далее – Федеральный закон № 323-ФЗ) закрепляет порядок ведения персонифицированного учета в сфере здравоохранения, при этом сведения, подлежащие учету, классифицируются по субъекту: о лицах, которые участвуют в осуществлении медицинской и фармацевтической деятельности; обучающихся по медицинским и фармацевтическим образовательным программам; лицах, которым оказывается медицинская помощь, а также о лицах, в отношении которых проводятся медицинские экспертизы, медицинские осмотры и медицинские освидетельствования (далее – пациенты).

Последняя группа сведений включает как «анкетные» данные пациентов (ФИО, дата и место рождения и т. д.), так и собственно медицинскую информацию (анамнез, диагноз, сведения об оказанной медицинской помощи). Очевидно, что такая информация подлежит защите в рамках режима, установленного Федеральным законом от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных»². В то же время,

статья 13 Федерального закона № 323-ФЗ устанавливает особый режим защиты врачебной тайны, которая включает в себя сведения как медицинского (состояние здоровья, диагноз, иные сведения, полученные при его медицинском обследовании и лечении), так и немедицинского характера (о факте обращения гражданина за оказанием медицинской помощи).

Стоит отметить, что законодатель не устанавливает соотношения сведений пациента, подлежащих персонифицированному учету, и данных, составляющих врачебную тайну. Дискуссионным данный вопрос является и для ученых-юристов (Подузова 2023, 86–92; Бойко, Бузина 2021, 37–42; Корнеева 2015, 42–45). Полагаем, что отнесение персонифицированной информации медицинского характера к врачебной тайне не должно подвергаться сомнениям. При этом суждение о том, что сведения немедицинского характера, подлежащие персонифицированному учету, не составляют врачебной тайны, на первый взгляд представляется обоснованным в силу значительных отличий их текстуального закрепления. Однако при анализе содержания указанных понятий следует учитывать цель их закрепления и подход, избранный законодателем при их конструировании.

Сведения, подлежащие персонифицированному учету, закрепляются главой 12 Федерального закона № 323-ФЗ, посвященной организации контроля в сфере охраны здоровья, и служат утилитарным целям – созданию и функционирования систем информационного обеспечения здравоохранения. В основе текстуальной фиксации содержания указанных сведений лежит структурный подход, ставящий целью закрепление их исчерпывающего перечня, необходимого для информационного обеспечения деятельности системы здравоохранения.

В свою очередь, в основе определения понятия врачебной тайны использован сущностный подход, позволяющий выделить конститутивные признаки сведений, составляющих ее содержание. Одним из таких признаков выступает связь сведений с фактом обращения гражданина за оказанием медицинской помощи. Полагаем, что, поскольку включение данных пациента в систему персонифицированного учета, по сути, выступает свидетельством обращения гражданина в медицинскую организацию, режим врачебной тайны следует распространять на все данные, подлежащие персонифицированному медицинскому учету. Такой расширительный подход, вопреки возможному

¹ Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации». 2011. *Собрание законодательства РФ* 48. Ст. 6724.

² Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных». 2006. *Собрание законодательства Российской Федерации* 31 (ч. 1). Ст. 3451.

возражению о чрезмерности возлагаемых на лиц, имеющих доступ к персонифицированной медицинской информации, обязательств, наоборот, исключит необходимость обеспечения функционирования двухкомпонентной системы защиты данных: персональных и составляющих врачебную тайну, тем самым снизит организационные издержки. Кроме того, предлагаемый подход исключит ошибки в квалификации тех или иных данных в качестве составляющих врачебную тайну и предотвратит риск установления ненадлежащего режима защиты в отношении них.

Риск-ориентированный подход к защите персонифицированной медицинской информации

При моделировании системы гарантий защиты персонифицированной медицинской информации следует исходить из ряда положений. Во-первых, изменения, вносимые в систему нормативного регулирования, не должны приводить к формированию множественности нормативных правовых актов и необоснованному усложнению их текстуального содержания. Данное требование, в частности, обусловлено тем, что адресатами указанных норм выступают лица, не обладающие специальными юридическими знаниями, а именно работники медицинских организаций, операторов информационных систем и т. д. Во-вторых, закрепляемые законодательством гарантии защиты персонифицированной медицинской информации не должны налагать чрезмерные обязанности на участников правоотношений, в частности медицинских работников. Непропорциональный объем обязанностей может препятствовать развитию как системы здравоохранения, так и медицинской науки в целом, поскольку лишит субъектов указанной деятельности необходимой степени свободы. В-третьих, при формировании системы гарантий защиты персонифицированной информации следует учитывать реально существующие риски нарушения установленного режима ее защиты и не допускать формирования т. н. «опережающего» регулирования в отношении потенциальных нарушений, поскольку такой подход также может негативно отразиться на развитии медицины в целом.

Резюмируя указанное выше, полагаем целесообразным использовать риск-ориентированный подход в качестве методологической основы институционализации системы гарантий защиты персонифицированной медицинской информации. Риск-ориентированный подход

в контексте применения к рассматриваемой сфере предполагает закрепление более детализированного нормативного регулирования по отношению к тем аспектам общественных отношений, которые связаны с наибольшими рисками нарушения режима защиты персонифицированной медицинской информации. В случае отсутствия таких рисков установление дополнительного регулирования не требуется.

Таким образом, в рамках риск-ориентированного подхода следует выявить риски нарушения режима защиты персонифицированной медицинской информации при взаимодействии с ней и провести их приоритизацию на основе оценки распространенности и степени тяжести последствий их реализации.

Обобщая данные медицинских организаций, судебную практику и научную литературу (Лазарев, Гаджиев 2020; Антонова, Бальхаева, Гаунова и др. 2019), можно выделить несколько укрупненных видов рисков в исследуемой сфере:

- 1) неправомерный доступ к персонифицированной медицинской информации;
- 2) ее незаконное использование и распространение;
- 3) искажение объективной персонифицированной медицинской информации.

Иные риски с той или иной степенью условности можно отнести к трем указанным выше.

Отметим, что указанные риски обусловлены двумя факторами: техническим и человеческим.

Технический фактор включает:

- а) неисправности, сбои и ошибки в функционировании медицинских информационных систем, специальных технических средств и каналов передачи данных;
- б) повреждение и утрату носителей информации;
- в) использование в работе информационных систем протоколов шифрования каналов передачи данных (например, SSL-шифрование), не соответствующих требованиям к классу защищенности информации второго класса (K2)³;
- г) нарушение требований по размещению используемых серверов в выделенном защищенном сегменте центра обработки данных, а также использование зарубежных серверов и ИТ-инфраструктуры (в т. ч. расположенных в недружественных странах) (Kolossova 2021, 7; Липчанская, Заметина 2020, 89; Абдуллаев, Абрамова, Абызова и др. 2023, 292–305).

³ См.: Пункт 4 приложения 1 к Приказу ФСТЭК России от 11.02.2013 № 17 “Об утверждении Требований о защите информации, не составляющей государственную тайну, содержащейся в государственных информационных системах”. 2013. *Российская газета* 136.

Так называемый технический фактор является относительно новым вызовом для системы защиты медицинской информации. При этом использование информационных технологий в медицине выступает своего рода катализатором указанных выше рисков: возможности для злоупотреблений в сфере доступа и использования медицинской информации многократно возрастают. Этот факт следует учитывать при приоритизации рисков.

Человеческий фактор включает в себя неправомерные действия (умышленные и неосторожные) субъектов правоотношений. Указанные субъекты могут быть представлены участниками общественных отношений по оказанию медицинской помощи: работниками медицинской организации; оператором персональных данных, в т. ч. оператором медицинских информационных систем; пациентами (нарушение правил обработки персональных данных, требований информационной безопасности, в т. ч. передача доступа к учетной записи, усиленной квалифицированной электронной подписи (далее – УКЭП) третьим лицам; нарушение правил эксплуатации информационных систем; подлог и умышленное искажение данных и т. д.).

Кроме того, недобросовестные действия, нарушающие режим защиты персонифицированной медицинской информации, могут быть совершены третьими лицами (например, в рамках хакерских атак, мошеннических действий и т. д.).

В литературе встречается классификация рисков на «объективные события, независимые от воли человека, и события, представляющие собой причинение вреда в результате деятельности человека» (Михайлова 2022, 42), то есть с точки зрения теории права на события и действия как виды юридических фактов. В целом эта классификация во многом пересекается с представленной нами выше и так же имеет важное значение для выявления и первичной систематизации существующих в исследуемой сфере рисков, т. е. служит цели постановки проблемы, но не ее решения. Данный тезис вытекает из следующих положений.

Во-первых, разделение на технический и человеческий фактор является условным, поскольку, как правило, нарушения в сфере оборота персонифицированной медицинской информации при применении телемедицинских технологий обусловлены комплексом причин. Так, сбой в работе технических средств может затруднить доступ к медицинской информации,

но при отсутствии недобросовестных действий со стороны тех или иных субъектов такой сбой не тождествен автоматической утечке персонифицированных данных пациентов. И, наоборот, прямой умысел на неправомерное завладение персонифицированной медицинской информацией практически сложно реализовать в отсутствие технических недостатков функционирования соответствующих информационных систем.

Во-вторых, право не способно оказывать регулятивное воздействие на события, в связи с чем его предметом являются общественные отношения, возникающие вследствие того или иного юридического факта, которым может выступить событие. Технические средства и информационные платформы являются искусственно созданными системами, поэтому недостатки и сбои в их функционировании в той или иной степени являются следствием умышленных либо неосторожных действий граждан. Признание таких сбоев абсолютными событиями означает снижение уровня ответственности разработчиков и операторов соответствующих средств и систем, что в сфере обработки информации, в отношении которой установлен особый режим охраны (личная и врачебная тайна), представляется недопустимым (Кибальник, Волосюк 2018, 176; Крюкова, Инюшкин 2023, 33).

Перейдем к приоритизации выявленных выше рисков. При системном анализе выявленных рисков становится очевидным, что риск незаконного использования и распространения персонифицированной медицинской информации является производным от риска неправомерного доступа к ней. В связи с этим будет логичным рассматривать необходимость предотвращения неправомерного доступа к медицинской информации в качестве первоочередной. Как было отмечено выше, применение информационных технологий многократно увеличивает риски неправомерного доступа к защищаемой информации. При этом основные участники правоотношений – медицинские организации, их работники и пациенты – не обладают необходимым уровнем специальных знаний и технических возможностей, позволявших бы в полной мере минимизировать обозначенные риски. В связи с этим приоритетным должно выступать регулирование, направленное на минимизацию рисков неправомерного доступа к медицинской информации, обусловленных техническим фактором. Бремя их предотвращения должно ложиться на субъекта, обладающего необходимыми знаниями, техническими

и организационными ресурсами. В рассматриваемых отношениях таким субъектом выступает оператор медицинской информационной системы, чей статус в настоящее время представляется недостаточно конкретизированным законодательством.

При условии минимизации указанного риска вторым по приоритету выступает обусловленный человеческим фактором риск неправомерного доступа к информации, который, как правило, связан с возможностью физического доступа к носителям такой информации. Ответственными субъектами за предотвращение такого риска в первую очередь следует считать медицинские организации и их работников. В целом весь предыдущий период развития законодательства о врачебной тайне был преимущественно направлен на минимизацию данной категории риска, в связи с чем общий уровень защищенности прав граждан в указанном контексте следует считать удовлетворительным. При этом полагаем, что приоритетным способом воздействия на общественные отношения здесь должно выступать не столько новое нормативное регулирование, сколько дополнительное обучение медицинских работников, направленное на восприятие ими всего комплекса как деонтологических, так и правовых и технических требований, направленных на всестороннюю защиту прав пациентов.

Взаимосвязанный с неправомерным доступом к информации риск – риск ее незаконного использования и распространения – является следующим по приоритетности. Именно с ним могут быть связаны многочисленные нарушения прав гражданина в рамках правоотношений различной отраслевой направленности. Поскольку действия, направленные на предотвращение технических причин неправомерного доступа к информации, во многом предотвращают ее распространение и использование, приоритетным для данного риска считаем предотвращение т. н. человеческого фактора. Помимо обозначенных выше субъектов, здесь необходимо конкретизировать обязанности тех

субъектов, при взаимодействии с которыми используется соответствующая информация (страховые, кредитные организации, государственные и муниципальные органы и т. д.), в целях ее дополнительной верификации.

В рамках этого же риска необходимо совершенствовать нормы о юридической ответственности лиц, виновных в совершении деяний, направленных на использование и распространение персонифицированной медицинской информации, как основной способ правового воздействия на них.

Искажения объективной персонифицированной медицинской информации, в первую очередь влияют на правоотношения в сфере медицины и в большинстве своем могут быть исправлены в ходе перепроверки данных, поэтому этот риск мы рассматриваем в качестве менее приоритетного для правового регулирования.

Недопустимо не учитывать тот факт, что пациенты также могут как умышленно, так и непреднамеренно способствовать нарушениям своих информационных прав в сфере медицины. Риски, связанные с действиями пациентов, следует предотвращать посредством общего правового просвещения.

Заключение

Таким образом, особая значимость персонифицированной медицинской информации требует системного подхода к закреплению системы правовых гарантий ее защиты. В качестве основы построения такой системы допустимо использовать риск-ориентированный подход, предполагающий наиболее детальное регулирование тех сфер общественных отношений, в которых риски нарушения информационных прав пациентов наиболее распространены. Приоритизация основных рисков позволяет выстроить программу формирования необходимого правового регулирования, направленную на последовательное предотвращение рисков неправомерного доступа к персонифицированной медицинской информации, ее незаконного использования и распространения, а также ис-

Библиография

Абдуллаев, Казбек А., Анастасия В. Абрамова и др. 2023. *Конвергенция частноправового регулирования общественных отношений сквозь призму эффективности права*: монография. Москва: Юстицинформ: 672 с. <https://znanium.ru/catalog/document?id=444103&ysclid=lyclh2i5w2797216429>.

Антонова, Наталья В., Саяна Б. Бальхаева и др. 2019. *Юридическая концепция роботизации*: монография. Москва: Проспект: 238 с. <https://znanium.ru/catalog/document?id=388968&ysclid=lyclq4j5z8358079355>.

каждой. Boyko, Igor B., Buzina, Olga I. 2021. "On medical secrecy and its observance in the Federal Law No. 323-FZ "On the Fundamentals of Health Protection of Citizens in the Russian Federation" dated November 21, 2011, No. 323-FZ". *Medical Law* 3: 37–42. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46235655>, <https://www.elibrary.ru/yknngp>.

Волков, Владислав Э. 2022. *Цифровое право. Общая часть: учебное пособие*. Самара: Издательство Самарского университета. <https://digilaw.ru/wp-content/uploads/2022/10/volkov-v.e.-czifrovoe-pravo.-obshhaya-chast.pdf?ysclid=lycu8e2qt8585781956>.

Защита данных: научно-практический комментарий к судебной практике. 2020. Отв. ред. В.В. Лазарев, Х.И. Гаджиев. Москва: ИЗиСП; Контракт: 176 с. https://izak.ru/upload/iblock/3d6/Zashchita-dannykh_Nauchno_prakticheskiy-kommentariy-k-sudebnoy-praktike_Blok.pdf?ysclid=lycq82rel4984954267.

Инюшкин, Андрей А. 2023. "Особенности генетической информации, как объекта правовой охраны". *Правовая основа социально-экономических отношений в аспекте вызовов современности: сборник научных статей I Всероссийской с международным участием междисциплинарной научно-практической конференции*. Самара: Исакова Т.С. (БИЮР): 28–31. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=59932879>. EDN: <https://www.elibrary.ru/gywjjm>.

Кибальник, Алексей Г., Павел В. Волосюк. 2018. "Искусственный интеллект: вопросы уголовно-правовой доктрины, ожидающие ответов". *Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России* 4 (44): 173–178. <http://doi.org/10.24411/2078-5356-2018-10428>.

Корнеева, Ольга И. 2015. "Взгляд на персонифицированный учет при осуществлении медицинской деятельности с позиций врачебной тайны". *Медицинское право* 5: 42–45. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23925531>, <https://www.elibrary.ru/udopzh>.

Крюкова, Елена С., Андрей А. Инюшкин. 2023. "Интеллектуальные системы и персонализированная медицина: проблемы правового регулирования". *Юрист* 9: 29–34. <https://doi.org/10.18572/1812-3929-2023-9-29-34>.

Липчанская, Мария А., Тамара В. Заметина. 2020. "Социальные права граждан в условиях использования искусственного интеллекта: правовые основы и пробелы законодательного регулирования в России". *Журнал российского права* 11: 78–96. <http://doi.org/10.12737/jrl.2020.134>.

Михайлова, Анастасия С. 2022. "К вопросу о телемедицине и не только". *Медицинское право* 4: 38–44. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=49378816>, <https://www.elibrary.ru/kbjpoo>.

Подузова, Екатерина Б. 2023. "Персональные данные пациента и его законного представителя: специфика электронного предоставления в контексте применения технологий "искусственного интеллекта" в digital-медицине". *Актуальные проблемы российского права* 4: 86–92. <http://doi.org/10.17803/1994-1471.2023.149.4.086-092>.

References

Abdullaev, Kazbek A., Anastasia V. Abramova et al. 2023. *Convergence of private law regulation of public relations through the prism of the effectiveness of law*: monograph. Moscow: Iustitsinform: 672 p. <https://znanium.ru/catalog/document?id=444103&ysclid=lychl2i5w2797216429>. (In Russian)

Antonova, Natalia V., Sayana B. Balkhaeva et al. 2019. *The legal concept of robotization*: monograph. Moscow: Prospekt: 238 p. <https://znanium.ru/catalog/document?id=388968&ysclid=lyclq4j5z8358079355>. (In Russian)

Boyko, Igor B., Buzina, Olga I. 2021. "On medical secrecy and its observance in the Federal Law No. 323-FZ "On the Fundamentals of Health Protection of Citizens in the Russian Federation" dated November 21, 2011, No. 323-FZ". *Medical Law* 3: 37–42. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46235655>, <https://www.elibrary.ru/yknngp>. (In Russian)

Inyushkin, Andrey A. 2023. "Peculiarities of genetic information as an object of legal protection". In: *Legal basis of socio-economic relations in the aspect of modern challenges*: collection of scientific articles of the First All-Russian interdisciplinary research and practical conference with international participation. Samara: Isakova T.S. (BIYuR): 28–31. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=59932879>. EDN: <https://www.elibrary.ru/gywjjm>. (In Russian)

Kibalnik, Alexei G., Pavel V. Volosyuk. 2018. "Artificial intelligence: doctrinal criminal law questions awaiting answers". *Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia* 4 (44): 173–178. <http://doi.org/10.24411/2078-5356-2018-10428>. (In Russian)

Korneeva, Olga I. 2015. “Patient-specific records in medical activities from the viewpoint of medical secrecy”. *Medical Law* 5: 42–45. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23925531>, <https://www.elibrary.ru/udopzh>. (In Russian)

Kryukova, Elena S., Andrey A. Inyushkin. 2023. “Intelligent systems and personalized medicine: problems of legal regulation”. *Jurist* 9: 29–34. <https://doi.org/10.18572/1812-3929-2023-9-29-34>. (In Russian)

Lazarev V.V., Gadzhiev H.I. (Eds.) 2020. Data protection: scientific and practical commentary on judicial practice. Moscow: IZiSP; Kontrakt: 176 p. https://izak.ru/upload/iblock/3d6/Zashchita-dannykh_Nauchno_prakticheskiy-kommentariy-k-sudebnoy-praktike_Blok.pdf?ysclid=lycq82rel4984954267. (In Russian)

Lipchanskaya, Maria A., Tamara V. Zametina. 2020. “Social Rights of Citizens Using Artificial Intelligence: Legal Bases and Gaps in Legislative Regulation in Russia”. *Journal of Russian Law* 11: 78–96. <http://doi.org/10.12737/jrl.2020.134>. (In Russian)

Mikhailova, Anastasia S. 2022. “On telemedicine and much more”. *Medical Law* 4: 38–44. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=49378816>. EDN: <https://www.elibrary.ru/kbjpoo>. (In Russian)

Poduzova, Ekaterina B. 2023. “Personal Data of the Patient and His Legal Representative: The Specifics of Electronic Provision in the context of the Use of «Artificial Intelligence» Technologies in Digital Medicine”. *Actual Problems of Russian Law* 4: 86–92. <http://doi.org/10.17803/1994-1471.2023.149.4.086-092>. (In Russian)

Volkov, Vladislav E. 2022. *Digital law. The general part: textbook*. Samara: Izdatel'stvo Samarskogo universiteta. <https://digilaw.ru/wp-content/uploads/2022/10/volkov-v.e.-czifrovoe-pravo.-obshhaya-chast.pdf?ysclid=lycu8e2qt8585781956>. (In Russian)

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

INTERNATIONAL LEGAL SCIENCES

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 347.734

Дата поступления: 13.02.2024

рецензирования: 14.03.2024

принятия: 20.06.2024

Рамиль З. Юсупов

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, г. Самара, Российская Федерация

Николай В. Гудков

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, г. Самара, Российская Федерация

Международно-правовое регулирование банковской сферы в условиях санкций

Аннотация: В условиях усиленного санкционного давления банковская система Российской Федерации нуждается в четком правовом регулировании. В связи с этим возникает вопрос о применении норм международного банковского права, а также о выработке национальных антисанкционных мер. Авторы рассматривают действующие международные договоры Российской Федерации, участие страны в международных экономических организациях, а также деятельность Банка России. Анализируют возможность применения европейских оценочных инструментов (кредитных рейтингов) в России в настоящее время, внедрение рекомендаций Базельского комитета по банковскому надзору, выделяют текущие антисанкционные меры и дают характеристику роли Банка России в определении направлений международного банковского сотрудничества и разработке национальных мер регулирования. В статье делается вывод о широком международно-правовом регулировании банковских отношений и смещении вектора международных связей от Европы к Азии, а также о возможности гармонизации банковского законодательства с законодательством стран БРИКС.

Ключевые слова: источники банковского права; санкции; международные договоры; Банк России.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Цитирование: Юсупов, Рамиль З., Николай В. Гудков. 2024. “Международно-правовое регулирование банковской сферы в условиях санкций”. *Юридический аналитический журнал Juridical Analytical Journal* 19 (1): 47–51. <http://doi.org/10.18287/1810-4088-2024-19-1-47-51>.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

© Рамиль З. Юсупов, Николай В. Гудков, 2024

Рамиль З. Юсупов, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского процессуального и предпринимательского права, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

e-mail: yusupov.rz@ssau.ru

Николай В. Гудков, руководитель группы контракт-менеджмента АО «ГК «Электроцит» – ТМ Самара», аспирант кафедры гражданского процессуального и предпринимательского права, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

e-mail: nikolay_gudkoff@mail.ru

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 13.02.2024

Revised: 14.03.2024

Accepted: 20.06.2024

Ramil Z. Yusupov
Nikolay V. GudkovSamara National Research University, Russian Federation, Samara
Samara National Research University, Russian Federation, Samara

International legal regulation of the banking sector under sanctions

Abstract: In conditions of increased sanctions pressure, the banking system of the Russian Federation needs clear legal regulation. In this regard, the question arises about the application of international banking law, as well as the development of national anti-sanction measures. The authors examine the current international treaties of the Russian Federation, the country's participation in international economic organizations, as well as the activities of the Bank of Russia. The authors analyze the possibility of using European assessment tools (credit ratings) in Russia at the present time, the implementation of the recommendations of the Basel Committee on Banking Supervision, highlight current anti-sanction measures and characterize the role of the Bank of Russia in determining the directions of international banking cooperation and developing national regulatory measures. The article concludes about the broad international legal regulation of banking relations and the shift in the vector of international relations from Europe to Asia, as well as the possibility of harmonizing banking legislation with the legislation of the BRICS countries.

Key words: sources of banking law; sanctions; international treaties; Bank of Russia.

Conflict of interest: the authors declared is no conflict of interest.

Citation: Yusupov, Ramil Z., Nikolay V. Gudkov. 2024. "International legal regulation of the banking sector under sanctions". *Juridicheskii analiticheskii zhurnal Juridical Analytical Journal* 19 (1): 47–51. <http://doi.org/10.18287/1810-4088-2024-19-1-47-51>. (In Russian)

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

© *Ramil Z. Yusupov, Nikolay V. Gudkov, 2024*

Ramil Z. Yusupov, Candidate of Legal Sciences, associate professor of the Department of Civil Procedural and Business Law, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

e-mail: yusupov.rz@ssau.ru

Nikolay V. Gudkov, head of the contract management group of JSC Electroshield Group of Companies – TM Samara, postgraduate student of the Department of Civil Procedural and Business Law, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

e-mail: nikolay_gudkoff@mail.ru

Введение

В 2022 году Российская Федерация столкнулась с беспрецедентным санкционным давлением со стороны европейских стран, которое продолжается в настоящее время. Под различные ограничения попали физические и юридические лица, государственные служащие и корпорации. Банковская система оказалась под опасным ударом, поскольку негативные последствия наложения санкций в наибольшей степени должны были нанести вред инструментам формирования и движения денежных средств. Тем не менее банковская система страны продолжает функционировать, справляясь с давлением различными способами.

Не вызывает сомнения тот факт, что введение против Российской Федерации экономических, политических и правовых санкций сказалось на методах и источниках правового регулирования банковской сферы. В настоящей статье рассмотрим изменения, коснувшиеся применения источников международного бан-

ковского права, международных финансовых инструментов, а также меры, принимаемые Банком России для стабилизации последствий санкционной политики европейских стран.

Ход исследования

К источникам банковского права России можно отнести международные договоры и обычаи.

Под международным договором понимается международное соглашение, заключенное Российской Федерацией с иностранным государством (или государствами), с международной организацией либо с иным образованием, обладающим правом заключать международные договоры, в письменной форме и регулируемое международным правом независимо от того, содержится такое соглашение в одном документе или в нескольких связанных между собой документах, а также независимо от его конкретного наименования. Международные договоры в области банковского права могут

быть двусторонними и многосторонними, универсальными и региональными. Известна дискуссия о возможности прямого применения норм, содержащихся в международных договорах (Ерпылева 2012, 38).

В рамках своей компетенции Банк России (Центробанк, ЦБ РФ) вправе выстраивать взаимоотношения с иностранными и международными кредитными организациями в соответствии с заключенными международными договорами.

Приоритетами Банка России в международных отношениях являются повышение уровня эффективности сотрудничества с регуляторами стран – ключевых партнеров РФ, разработка международных стандартов регулирования, актуальных для России, обмен опытом и укрепление собственной роли в качестве центра экспертизы для зарубежных партнеров.

К основным направлениям международных отношений Банка России можно отнести следующие.

1. Двустороннее сотрудничество с центральными банками и финансовыми регуляторами разных стран. В рамках данного направления Центробанк содействует развитию условий для взаимного допуска капитала, обмена информацией в целях банковского надзора, а также созданию инструментов финансовой и платежной инфраструктуры. В данной сфере ЦБ РФ имеет более 70 соглашений и меморандумов с национальными банками различных государств. При этом даже в условиях санкционной политики, Банк России не предпринимает попыток прекращения отношений с европейскими регуляторами, однако с 2022 года наблюдается тенденция сближения с финансовыми организациями Республики Беларусь, Лаоса, Туркменистана, Узбекистана, о чем свидетельствует появление новых соглашений в области банковского надзора.

2. Многостороннее и интеграционное сотрудничество. Банк России представляет интересы Российской Федерации в различных международных организациях, участвует в нормотворчестве в рамках их деятельности. Среди таких организаций необходимо выделить Евразийский экономический союз (ЕАЭС), Шанхайскую организацию сотрудничества (ШОС), Содружество независимых государств (СНГ), Союзное государство России и Беларуси, Форум «Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС), в которых Центробанк содействует интеграционным процессам и гармонизации законодательства внутри ре-

гиональных объединений с участием России, участвует в разработке программ и модельных документов по финансовой стабильности, защите прав потребителей финансовых услуг, противодействию отмыванию доходов, полученных преступным путем, организации платежей, страхованию, валютным операциям и т. п. В то же время не прекращено членство России в Международном валютном фонде, Банке международных расчетов и Группе Всемирного банка, однако наблюдается смещение фокуса интеграции с европейского направления на азиатское.

3. Развитие учебных программ и аналитическое сопровождение, в ходе которых совершенствуется база информационно-аналитических продуктов о состоянии экономики (Информационный бюллетень Банка России 2022).

Таким образом, перечисленные меры свидетельствуют о ключевой роли Банка России в международном сотрудничестве в условиях санкционного давления на Российскую Федерацию. Смещение интеграционного курса позволяет говорить о развитии международного регулирования в рамках региональных организаций, участниками которых является наше государство.

Основополагающим международным объединением для Российской Федерации в последнее время является БРИКС. В рамках данной организации государства-участники должны принять меры, направленные на гармонизацию банковского законодательства. В настоящее время регуляторы стран-участниц совместно используют гармонизированные методы пруденциального регулирования: применяют более жесткие требования к кредитам в иностранной валюте, более строгие нормативы рисков валютной ликвидности, вводят жесткие лимиты на валютные разрывы, предъявляют высокие требования к величине капитала, его достаточности и т. п. (Панова 2016, 31–32).

Рассматривая возможность применения рекомендаций Базельского комитета по банковскому надзору в качестве норм банковского регулирования, необходимо отметить следующие особенности.

Стандарты, разрабатываемые Комитетом, носят рекомендательный характер, в том числе, и для государств – членов Европейского союза. Рекомендации могут внедряться с учетом специфики банковских правоотношений в конкретной стране, а также взятых ею на себя иных международных обязательств. В зависимости от изменения политической и экономической

ситуации содержание рекомендаций может измениться (Панова 2016, 90).

При создании Союзного государства Россия и Беларусь приняли на себя обязательства унифицировать законодательство в соответствии с Базельскими принципами. Позднее некоторые положения Базеля I и Базеля II были реализованы в рамках банковской системы России. В настоящее время представляется, что дальнейшее внедрение рекомендаций Базельского комитета не может быть продолжено в связи с изменением основных направлений государственной политики России.

Применение санкционной политики, помимо прочего, воплощается в ограничении для российских компаний использования ведущих европейских кредитных рейтингов, основанных на последних рекомендациях Базельского комитета по банковскому надзору. Невозможность обновления рейтингов агентств Fitch Ratings, S&P Global Ratings, Moody's Investors Service отразилась в решении Совета директоров Банка России использовать значения кредитного рейтинга, установленное на 01 февраля 2022 года. Целью данной меры стало стремление сократить влияние международных рейтинговых агентств на деятельность банков в условиях высокой рыночной волатильности. Отдельно отмечалось, что регулятор во многом уже перешел на использование национальных кредитных рейтингов, однако для определенных случаев все же необходимо применение европейских аналогов. По состоянию на начало 2024 года указанное решение оставалось в силе.

Ответом российского мегарегулятора на введение санкций является разработанный в 2022 году и постоянно обновляемый комплекс мер, направленных на стабилизацию функционирования банковского сектора в условиях реализации санкционных рисков. Указанная программа составлена по нескольким направлениям и включает в себя послабления в расчете нормативов и капиталов; меры, направленные на стимулирование кредитования; меры, направленные на недопущение эффекта вторичных санкций; снижение влияния внешних оценок страновых рисков; неприменение мер при нарушении пруденциальных требований из-за введенных санкций; смягчение регуляторной нагрузки.

Решениями Совета директоров Банка России кредитным организациям, в отношении которых введены ограничительные меры, предоставлены, в частности:

– право проводить реорганизацию путем выделения юридических лиц, которым могут

быть переданы имущество, фактическое владение которым затруднено вследствие введенных ограничений, или обязательства в отношении иностранных лиц, связанных с государствами, осуществляющими в отношении Российской Федерации недружественные действия;

– право не предъявлять бизнес-план для указанных в предыдущем абзаце организаций путем получения лицензии на осуществление банковских операций;

– право взимать комиссионное вознаграждение одновременно с начислением процентов по вкладам в иностранной валюте в размере, превышающем сумму начисленных процентов, если вкладчиком является иностранное лицо;

– возможность не предоставлять информацию об организации внутренних процедур оценки достаточности капитала.

Указанные меры должны снизить экономическое и политическое давление на российские кредитные организации и создать предпосылки для стабилизации регулирования банковской системы.

Заключение

Несмотря на беспрецедентное давление на финансовую систему нашей страны со стороны европейских стран и США, можно говорить о недостижении их цели – полной экономической изоляции России. Существующие инструменты международно-правового регулирования остаются необходимыми элементами в процедуре формирования источников банковского права, однако с Европы на Азию меняется вектор экономической, политической и правовой интеграции. Участие Российской Федерации в международных организациях ШОС, БРИКС, Союзного государства создает предпосылки и условия для гармонизации российского законодательства в новом русле международных связей. К тому же Россия не утратила членство в ведущих мировых и европейских организациях, что оставляет формальные возможности для диалога с Западом в области интегрированного регулирования международной банковской системы.

Проведенный анализ свидетельствует о том, что в рамках национального регулирования банковской системы основную роль играет Банк России, разрабатывая и осуществляя меры по стабилизации антисанкционных мер, а также по развитию моделей регулирования, аналогичных тем, которые были представлены в европейских рекомендациях до 2022 года.

Библиография

Ерпылева, Наталья Ю. 2012. *Международное банковское право: теория и практика применения*. Москва: Изд. дом Высшей школы экономики. <https://id.hse.ru/data/2013/04/23/1296347589/ерпылева.pdf>.

Панова, Галина С. 2016. “Банки в условиях международных санкций: стратегия и тактика». *Вестник МГИМО Университета* 1 (46): 154–168. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25982906>, <https://www.elibrary.ru/vwpenj>.

Рождественская, Татьяна Э. 2022. “Правовые механизмы противодействия санкциям на финансовом рынке”. *Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)* 8 (96): 90–102. <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2022.96.8.090-102>.

References

Erpyleva, Natalya Yu. 2012. *International banking law: theory and practice of application*. Moscow, Izd. dom Vysshei shkoly ekonomiki. <https://id.hse.ru/data/2013/04/23/1296347589/ерпылева.pdf>. (In Russian)

Panova, Galina S. 2016. “Banks and banking business in Russia in the face of international sanctions”. *MGIMO Review of International Relations* 1 (46): 154–168. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25982906>, <https://www.elibrary.ru/vwpenj>. (In Russian)

Rozhdestvenskaya, Tatyana E. 2022. “Legal mechanisms for countering sanctions imposed against the financial market”. *Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)* 8 (96): <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2022.96.8.090-102>. (In Russian)

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ REQUIREMENTS TO THE DESIGN OF ARTICLES

I. Общие положения

1. Журнал «Юридический аналитический журнал *Juridical Analytical Journal*» выходит 4 раза в год и принимает к публикации на русском и английском языках статьи, которые обладают актуальностью, научной новизной и содержат ранее неизвестные или неразработанные области правотворчества и правоприменения, а также отражают конструктивные предложения по совершенствованию законодательства, новые авторские концепции, направленные на развитие юридической науки.

Основной концептуальной задачей журнала является публикация статей авторов уровня кандидатов и докторов наук, а также практикующих юристов, ссылающихся в том числе на работы, опубликованные в журналах, входящих в перечень ВАК, Scopus и WoS.

Принимаются статьи по следующим специальностям: 5.1.1. теоретико-исторические правовые науки; 5.1.2. публично-правовые (государственно-правовые) науки; 5.1.3. частно-правовые (цивилистические) науки; 5.1.4. уголовно-правовые науки; 5.1.5. международно-правовые науки.

2. Представленная на рассмотрение статья должна иметь следующую структуру: индекс УДК, заглавие статьи, имя, отчество, фамилию автора, степень, звание, должность, кафедру (другое место работы), полное официальное название учреждения и его адрес, e-mail автора, аннотацию, ключевые слова, конфликт интересов, а также при наличии автор может указать благодарность и источник финансирования. Все указанные сведения должны быть представлены на русском и английском языках. Далее идет текст статьи и библиография.

3. Междустрочный интервал – полуторный, цвет шрифта – черный, размер шрифта – 14, размер всех полей – 2 мм. Абзацный отступ – 1,25 мм. Допустимо выделение отдельных элементов текста курсивом, полужирным курсивом, полужирным прямым.

Рекомендованный объем не менее 20–40 тыс. знаков с пробелами.

Материалы для публикации на английском языке представляются зарубежными авторами без перевода в какой-либо их части на русский язык.

4. Электронный вариант статьи может быть прислан по электронной почте на адрес редакции журнала: yuazh@ssau.ru (в данном случае все вышеперечисленные требования к компьютерному набору полностью сохраняются).

Плата за публикацию статей и их рецензирование не взимается. Гонорар авторам не выплачивается.

II. Требования к оформлению статей в журнале

1. Материалы статьи должны содержать существенные, законченные и еще не опубликованные результаты научных исследований.

Текст статьи должен быть структурно разбит на разделы: введение, основное исследование, выводы, библиография.

Структура статьи на английском языке должна включать следующие элементы: Introduction, Main text, Conclusion, References.

2. Аннотация (краткое описание статьи) должна отражать основную мысль научного исследования, быть информативной, оригинальной и сжатой. Объем аннотации – 150–250 слов. Аннотация должна состоять из следующих блоков: обоснование проводимого исследования, методы, результаты, заключение (включающее подтверждение научной новизны статьи).

Приветствуется, если аннотация на английском языке будет более развернутой, чем на русском. В англоязычной аннотации желательно предусмотреть – введение и заключение (основные тезисы), раскрыть структуру статьи, цель и основные результаты исследования, а также область их применения.

3. Ключевые слова представляют собой отдельные термины (слова или их сочетания), которые являются основными для понимания содержания статьи. Объем ключевых слов – 5–10 слов или словосочетаний без учета предлогов, союзов и т. п.

4. Таблицы (рисунки) должны иметь заголовки (названия) и сквозную порядковую нумерацию в пределах статьи, содержание их не должно дублировать текст. Заголовок размещается над полем таблицы (для рисунков – под рисунком). Все сокращения, использованные в таблицах и рисунках (кроме общепринятых), поясняются в сносках. Если в тексте приводится одна таблица, рисунок или формула, они не нумеруются, если более одной, то нумерация обязательна.

Весь иллюстративный материал (графики, схемы, фотографии) именуется рисунками, имеет сквозную порядковую нумерацию и представляется в черно-белом варианте.

5. Названия учреждений, органов государственной власти, международных организаций не сокращаются. Все аббревиатуры и сокращения должны быть расшифрованы при первом употреблении в тексте.

III. Оформление библиографии

1. В статье обязательным элементом является список используемых источников (библиография). Библиография представляет собой список литературы на языке оригинала.

2. Библиография и ссылки оформляются в соответствии с рекомендациями Chicago Manual of Style (см. https://www.chicagomanualofstyle.org/tools_citationguide/citation-guide-2.html).

3. Библиография на русском языке должна быть построена в алфавитном порядке (без нумерации). После в продолжении оформляется в алфавитном порядке иностранная литература. Отдельно оформляется References в

алфавитном порядке, в том случае, если источник опубликован на языке, использующем систему письменности не на основе латиницы (кириллица, иероглифы и т. д.), в описание добавляется указание языка публикации – (In Russian), (In Chinese).

4. **Список References** включает в себя все источники из библиографии.

Для транслитерации с кириллицы можно воспользоваться сайтом <https://translit.ru/lc>. Источники, в основе которых лежит латиница, приводятся в References без транслитерации, в таком же виде, как они представлены в библиографии.

5. В библиографию не включаются анонимные источники и нормативные документы (постановления, законы, инструкции и т. д.). Такие источники описываются в постраничных сносках.

Не рекомендуется использовать в библиографии труднодоступные, неопубликованные, локальные и образовательные источники: авторефераты диссертаций, газеты, неопубликованные отчеты, учебные пособия и учебники.

6. В случае необходимости (пояснений) возможно по тексту использование сносок в сплошной нумерации.

Все цитируемые в тексте нормативные правовые акты и судебные решения оформляются в виде ссылок и отражаются с указанием содержания сайта информационно-справочной системы, например СПС «КонсультантПлюс», или официального источника опубликования с указанием даты последней редакции. Пример: Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ. СПС «КонсультантПлюс». Дата обращения: 1 сентября 2022. <http://www.consultant.ru>.

Ссылки на нормативные источники и судебные решения в библиографию не включаются.

IV. Предоставление сведений об авторе (авторах) статей

Дополнительно к сведениям об авторе (авторах) в рукописи статьи, приводимым в соответствии с перечисленными ранее требованиями, к статье в отдельном файле прилагается анкета автора. Анкета отдельно заполняется на каждого автора и содержит следующие сведения: 1) фамилию, имя, отчество (полностью); 2) ученую степень, ученое звание (полностью); 3) место работы в соответствии с официальным названием организации; 4) занимаемую должность; 5) e-mail; 6) контактный телефон.

ОБРАЗЕЦ ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ (ФРАГМЕНТ, ПОЛНЫЙ – НА САЙТЕ ЖУРНАЛА)

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 347.9

Дата поступления: XX.XX.2024
рецензирования: XX.XX.2024
принятия: XX.XX.2024

Иван И. Иванов Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443011, Российская Федерация, г. Самара

ПОНИМАНИЕ КАТЕГОРИЙ «ДОБРОСОВЕСТНОСТЬ» И «ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ ПРАВОМ» В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Аннотация: в статье рассматриваются вопросы понимания категорий «добросовестность» и «злоупотребление правом» в гражданском судопроизводстве, так как в общей теории права и в отраслевых юридических науках встречается различные подходы трактовки данных понятий. Автор отмечает, что широкая интерпретация категорий «добросовестности» и «злоупотребления правом» размывает границы указанных понятий. Отчасти это служит отголоском дискуссии о позитивной и негативной ответственности. Методологическая основа статьи проявляется через формально-юридический, сравнительно-правовой, исторический методы. Автор приходит к выводу о том, что необходимо узкое понимание соответствующих категорий.

Ключевые слова: гражданское судопроизводство, процессуальная добросовестность, злоупотребление процессуальными правами, процессуальные обязанности.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Благодарность (при наличии): ...

Источник финансирования (при наличии): ...

Цитирование: Иванов, Иван И. 2024. «Понимание категорий “добросовестность” и “злоупотребление правом” в гражданском судопроизводстве”. *Юридический аналитический журнал Juridical Analytical Journal* 19 (X): XX–XX. <http://doi.org/10.18287/1810-4088-2024-19-X-XX-XX>.

© **Иван И. Иванов, 2024**

Иван И. Иванов, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского процессуального и предпринимательского права, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443011, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

e-mail: Ivanov111@mail.ru

SCIENTIFIC ARTICLESubmitted: XX.XX.2024
Revised: XX.XX.2024
Accepted: XX.XX.2024

Ivan I. Ivanov Samara National Research University, Samara, Russian Federation

UNDERSTANDING THE CATEGORIES OF «GOOD FAITH» AND «ABUSE OF LAW» IN CIVIL PROCEEDINGS

Abstract: the article deals with the issues of understanding the categories of «good faith» and «abuse of law» in civil proceedings, since in the General theory of law and in branch legal Sciences there are different approaches to the interpretation of these concepts. The author notes that a broad interpretation of the categories of “good faith» and “abuse of law” blurs the boundaries of these concepts. This is partly an echo of the discussion about positive and negative responsibility. The methodological basis of the article is shown through formal-legal, comparative-legal, historical methods. the Author comes to the conclusion that a narrow understanding of the relevant categories is necessary.

Key words: civil proceedings, procedural integrity, abuse of procedural rights, procedural obligations.

Conflicts of interest: the author declared no conflicts of interest.

Gratitude (if any):...

Funding source (if any):...

Citation: Ivanov, Ivan I. 2024. “Understanding the categories of “good faith” and “abuse of law” in civil proceedings”. *Juridicheskiy analiticheskiy zhurnal Juridical Analytical Journal* 19 (X): XX–XX. <http://doi.org/10.18287/1810-4088-2024-19-X-XX-XX>. (In Russian).

© Ivan I. Ivanov, 2024

Ivan I. Ivanov, Doctor of law, Professor, Professor of the Department of civil procedure and business law, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443011, Russian Federation

e-mail: Ivanov111@mail.ru

Введение

Требование добросовестности, предъявляемое к участникам гражданских и гражданских процессуальных отношений, в последнее время проводится в жизнь, как на законодательном уровне, так и на уровне положений, вырабатываемых судебной практикой, примером может послужить реформирование гражданского законодательства, когда одним из важных векторов реформы стало обеспечение добросовестного и надлежащего осуществления гражданских прав (Борисова 2015, 19).

...

Правовая природа категорий «добросовестность» и «злоупотребление правом» в гражданском судопроизводстве (основная часть работы может отражать как один блок, так и несколько)

Добросовестность процессуального поведения трактуется в широком значении. Процессуальный закон требует от лиц, участвующих в деле, добросовестности при осуществлении принадлежащих им процессуальных прав – ч. 1 ст. 35 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее – ГПК РФ)¹.

Заключение (или Выводы)**Библиография**

Борисова, Елена А. 2015. “Реформа гражданского судопроизводства в России: уроки истории”. *Вестник Московского университета* 1: 17–26. <https://cyberleninka.ru/article/n/reforma-grazhdanskogo-sudoproizvodstva-v-rossii-uroki-istorii>.

Малиновский, Алексей А. 2002. *Злоупотребление правом*. М.: МЗ-Пресс. <http://lawlibrary.ru/izdanie42043.html>.

Юдин, Андрей В. 2005. *Злоупотребление процессуальными правами в гражданском судопроизводстве*. Санкт-Петербург: Издательский Дом С.-Петербур. гос. ун-та: Изд-во юрид. фак-та С.-Петербур. гос. ун-та. <http://lawlibrary.ru/izdanie54583.html>.

References

Borisova, Elena A. 2015. “Civil procedure reform in Russia: history lesson”. *Vestnik Moskovskogo universiteta* 1: 17–26. <https://cyberleninka.ru/article/n/reforma-grazhdanskogo-sudoproizvodstva-v-rossii-uroki-istorii>. (In Russian)

Malinovskij, Aleksej A. 2002. *Abuse of right*. Moscow: MZ-Press Publ. <http://lawlibrary.ru/izdanie42043.html>. (In Russian)

Yudin, Andrej V. 2005. *Abuse of procedural rights in civil proceedings*. Saint Petersburg: Izdatel'skij Dom S.-Peterb. gos. un-ta: Izd-vo jurid. fak-ta S.-Peterb. gos. un-ta Publ. <http://lawlibrary.ru/izdanie54583.html>. (In Russian)

¹ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ в ред. от 31.07.2020. СПС “КонсультантПлюс”. Дата обращения: 1 сентября 2020. <http://www.consultant.ru>.